

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
КОМИТЕТ ПО НАУКЕ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ГОРОДСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ДУХ И КУЛЬТУРА ЛЕНИНГРАДА
В ТЫЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 ГОДОВ

СБОРНИК ТРУДОВ
УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

**Сборник статей
Е. А. Аброзе
Сборник трудов участников
городской научной конференции
«Дух и культура Ленинграда в тылу
Советского Союза в годы Великой
Отечественной войны 1941-1945 годов»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6022873

*Сборник трудов участников городской научной конференции «Дух и культура Ленинграда в тылу
Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»: Издательство*

«СПбКО»; СПб.; 2010

ISBN 978-5-903983-24-7

Аннотация

Сборник содержит труды участников городской научной конференции «Дух и культура Ленинграда в тылу Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», проходившей в Санкт-Петербурге 24 мая 2010 г.

В сборник входят статьи и тезисы докладов представителей общественных организаций ветеранов, архивов, театров, музеев Российской Федерации, жителей блокадного Ленинграда, ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, российских ученых, научных сотрудников, студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей высших учебных заведений.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Оборона Ленинграда – феномен Великой Отечественной войны и Второй мировой войны	6
Духовная жизнь блокадного Ленинграда	13
Духовно-ценностный смысл Петербурга	15
Вклад физиков и химиков ленинградских научных школ в решение проблем советского атомного проекта	20
«С энтузиазмом будем работать на оборону Отечества» (ученые вузов Ленинграда – фронту в годы Великой Отечественной войны)	29
Организация академической науки в блокадном Ленинграде	34
Блокадное служение Патриарха Алексия (Симанского)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сборник статей Сборник трудов участников городской научной конференции «Дух и культура Ленинграда в тылу Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, перед вами сборник трудов участников городской научной конференции «Дух и культура Ленинграда в тылу Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Количество авторов, разноплановость статей, разнообразность учреждений и организаций, представители которых приняли участие в работе конференции, говорит об огромном интересе к заявленной теме.

Юбилейная дата Великой Победы. Чем больше мы отдаляемся от событий тех огненных лет, чем меньше становятся участников и очевидцев той страшной войны, тем чаще слышны псевдонаучные заявления о роли Советского Союза в уничтожении фашизма, о правильности принятых стратегических решений военачальников, о законности действий простых солдат и офицеров, освобождавших Европу. Да мало ли, в последнее время, можно услышать фальсификаций и клеветнических выпадов в сторону России и людей, прошедших суровые испытания войны.

Сегодня, как никогда остро, встаёт проблема правдивого, научно-обоснованного, опирающегося на принципы историзма, дискурса о Великой Отечественной войне. Именно с этих позиций говорит об обороне и блокаде Ленинграда профессор, д.и.н., ветеран ВОВ Д.Н. Аль, прошедший весь боевой путь с Ленинградским фронтом. В унисон звучит выступление удивительного человека, знающего о блокадном городе и его защитниках почти всё – президента Международной ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны, академика Академии военно-исторических наук Колосова Ю.И.

Огромный интерес вызывает статья об организации академической науки в блокадном Ленинграде, написанная в соавторстве директором Библиотеки Российской академии наук, профессором, д.и.н. Леоновым В.П. и зав. отд. изданий РАН БАН к.ф.н. Баженовой Н.М. Необходимо отметить, что БАН представила на конференцию сразу четыре интереснейших сообщения, связанных с тематикой ВОВ в преломлении современной истории, носящих практическую значимость как для учёных, в первую очередь историков, так и для всех кто интересуется Великой Отечественной войной.

Поражает своей страшной статистикой работа о медицине в блокадном Ленинграде д.и.н. Дзенискевича А.Р. и профессора, д.м.н. Хорошиной Л.П.

Насыщена огромным количеством фактического материала статья ведущего научного сотрудника Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, проф., д.и.н. Шкаровского М.В., посвящённая Блокадному служению Патриарха Алексия (Симанского).

Нельзя не отметить работу о культуре и флоте ведущего научного сотрудника Института военной истории МО РФ, проф., д.и.н. Абрамова Е.П., и статью проф. СПбГУПС, д.и.н. Яробкова В.В. о Дороге жизни.

Несомненно, привлечёт внимание читателей работа научного сотрудника Русского музея, к.и. Бахтиярова Р. А, повествующая о творчестве ленинградских художников рисовавших в блокадном городе и о блокадном городе.

Сразу несколько авторов пишут о вузах и НИИ Ленинграда, эвакуированных в регионы и союзные республики СССР. Здесь история Ленинградского технологического института, рассказанная зав. каф. истории Отечества, науки и культуры, доц., к.и.н. Гуркиным А.Б., подробное изложение судьбы Ленинградского электротехнического института им. В.И. Ульянова (Ленина) частично перемещённого в Казань, написанная Золотинкиной Л.И., к.т.н., директором Мемориального музея А.С. Попова, руководителем музейного комплекса СПбГЭТУ, и конечно же интереснейшая статья о ленинградцах – деятелей науки и культуры в Казахстане ветерана труда, доц., к.и.н. Исиналиевой М.И., представлявшей на конференции Межрегиональную организацию Санкт-Петербурга и Ленинградской области Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов.

Отдельно следует сказать о гостях конференции. Статья Важениной О.С., ведущего научного сотрудника Музея-заповедника «Сталинградская битва», г. Волгоград и статья Ионушайте Ю.П., заведующей литературно-драматической частью Кировского областного ордена Трудового красного знамени драматического театра им. С.М. Кирова, г. Киров доказывают, значение духа и влияние культуры Ленинграда на регионы страны.

Не остались в стороне работы аспирантов и студентов вузов Санкт-Петербурга, Томска, Самары. Вдвойне приятно, что темы войны, героизма русских людей, патриотизма, самоотверженного труда на благо Родины волнуют молодёжь.

Надо отметить, что участие в мероприятии лучших представителей санкт-петербургской науки, предопределило высокую результативность работы и успех конференции.

Мы надеемся, что для многих читателей данный сборник откроет новые страницы в истории Великой Отечественной войны, в истории Ленинграда, в биографиях его жителей: кого-то заставит задуматься, кого-то ужаснуться, кто-то увидит для себя новые направления в научных изысканиях, но равнодушным не оставит никого.

*Гл. научный редактор сборника,
председатель оргкомитета конференции,
канд. культурологии Е.А. Аброзе*

Оборона Ленинграда – феномен Великой Отечественной войны и Второй мировой войны

Аль Даниил Натанович

ветеран ВОВ, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки, кавалер орденов и медалей СССР и РФ Санкт-Петербургский государственный университет

Исторический масштаб, истинное значение того, что можно назвать Второй мировой и Великой Отечественной войны – героической обороны Ленинграда – переоценить невозможно. Начнем с того (как это ни парадоксально звучит для тех, кто над этим не задумывался), что Великая Отечественная война в целом была фактически выиграна Советским Союзом уже в 1941 году. И в самом деле – войну против СССР Гитлер планировал как «блицкриг». Завершить разгром Советского Союза гитлеровские стратеги собирались не позднее октября-ноября 1941 года. Они понимали, что молниеносная война – «блицкриг» – это единственный способ победить в войне против СССР. В другом случае, то есть в случае перехода войны в «перетягивание каната», она будет проиграна. Германия, даже при поддержке своих союзников, не сможет одолеть в затяжной войне неисчислимые людские и производственные ресурсы СССР. Справедливость этого стратегического расчета, как известно, и подтвердилась...

Начало войны против СССР, казалось бы, делало реальным осуществление «блицкрига». Стратегический план предусматривал: быстрый захват Ленинграда; соединение с финской армией; поворот освободившихся после падения Ленинграда армий на Москву; совместный удар с севера и с запада (Центральная группа войск) по обороне Москвы и захват столицы СССР; не долгое и нетрудное «добивание» лишенных единого управления из центра остаточных сил Красной Армии.

Для скорейшего осуществления этого плана Гитлер бросил на штурм Ленинграда лучшие части вермахта. На помощь им к Ленинграду с севера подступила финская армия... И вот он – Ленинград – лежит перед немецкими армиями как на ладони. На пути к нему нет ни широких рек, ни высоких гор... Город защищают несколько кадровых дивизий Красной Армии, изрядно потрепанных еще в Прибалтике, ополченцы – рабочие ленинградских заводов («фанатичные ленинградские рабочие» – как называл их начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Галь дер), студенты и сошедшие на берег моряки Балтийского флота. К тому же Ленинград удалось окружить и полностью отрезать от всякого снабжения и всякой непосредственной помощи с суши и с моря.

Нетрудно представить себе, какой оказалась бы судьба Москвы, если бы Ленинград пал и к ее окраинам, в дополнение к наступавшим на нее с запада армиям фон Бока, туда, где «У деревни Крюково погибает взвод», подошли почти миллионные полчища «Северной» группы вермахта, высвободившиеся после падения Ленинграда, подкрепленные своими танковыми и воздушными армиями. Но этого, как известно, не произошло. Ленинград выстоял. «Блицкриг» был сорван. Агрессивная война против СССР перешла в то самое – долгое, четырехлетнее «перетягивание каната», которого во что бы то ни стало, хотел избежать Гитлер. Тем самым Германия была обречена на поражение. Великая Отечественная война, соответственно, была по той же причине обречена на победу.

Что касается героической эпопеи обороны Ленинграда в целом – она стала единственным в своем роде феноменальным фактом не только в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Ничего даже приближенно подобного неприступной трехлетней обо-

роне огромного осажденного города, к тому же сумевшего разгромить осаждавшие его войска наступлением изнутри блокадного кольца, не знает вся мировая история войн.

Как и почему все это произошло, вроде бы, хорошо известно, и подвиг Ленинграда по достоинству оценен. Это, однако, не так. Даже совсем не так. К сожалению, история героической обороны Ленинграда подверглась исключительно серьезным искажениям. На реальную историю обороны и блокады великого города поочередно накатились две мутные и – не боюсь этого слова – грязные волны фальсификаций и клеветы.

Первую волну фальсификации действительной картины обороны Ленинграда подняли Сталин и его подручные. В конце сороковых годов было сфабриковано так называемое Ленинградское дело, позднее справедливо заклеянное как позорное. Руководителям партийных и советских учреждений города, стоявшим в годы войны во главе обороны Ленинграда, были предъявлены совершенно беспочвенные обвинения в заговоре, направленном на перенос в Ленинград столицы СССР, и даже в намерении вообще отделить Ленинград от страны. Репрессии обрушились на партийных и советских работников, а заодно и на многих жителей города, в том числе на участников его обороны.

Ленинградских руководящих «заговорщиков» обвинили еще в том, что они, с одной стороны, плохо организовали в свое время оборону города, а с другой – и это главное – в том, что они раздули, преувеличили, выпятили подвиг Ленинграда, преуменьшив при этом роль товарища Сталина в Великой Отечественной войне вообще и в организации обороны Ленинграда в частности. А также в том, что они тем самым принизили подвиги Москвы и других городов – тоже героев, в первую очередь – Сталинграда. Надо ли говорить, что и эти обвинения были абсолютно ложными. Ленинградские руководители не были ни героями, ни самоубийцами и прилежно славил Сталина, ничуть не меньше, чем все другие большие и малые номенклатурчики.

В рамках компании дегероизации подвига Ленинграда было совершено деяние, которое иначе как дичайшим преступлением перед сохранением исторической памяти назвать нельзя. Варварскому разгрому и уничтожению подвергся потрясавший одновременно и страшной, и величественной правдой о годах блокады Музей обороны Ленинграда.

Уникальные экспонаты были уничтожены. Стоявшие вокруг здания музея в Соляном городке трофейные немецкие танки и орудия, три года подряд обстреливавшие город, пошли в переплавку. Основатель и первый директор Музея обороны – Лев Львович Раков, был приговорен к 25 годам заключения и отправлен во Владимирский централ.

Второй фальсификаторский накат на историю обороны Ленинграда, предпринятый с целью всячески принизить ее значение и, более того, как можно сильнее ее опорочить, нанесли и продолжают наносить с так называемых демократических позиций (с так называемых, поскольку подлинный демократизм и тенденциозная клевета – две вещи несовместимые).

Многие современные радикалы умственного труда, ослепленные идеей тотального отрицания всего, что имело место в прежнее, советское время, объективно, сами того, надо полагать, не желая, оказались в отношении ленинградской эпопеи сталинистами. Они завели второе Ленинградское дело, повторно и посмертно «расстреливали» руководителей обороны Ленинграда. Демократическая литература и СМИ не только неустанно повторяют измышления сталинских пропагандистов, но и превзошли их в деле дегероизации и опорочения подвига Ленинграда путем создания всевозможных новых легенд и мифов, до которых соколы сталинской пропаганды не могли додуматься. При этом многие современные идеологи и публицисты мало заботятся о том, что, выпуская густые тучи стрел против тоталитарного режима, они слишком часто наносят поражения сотням тысяч героических защитников Ленинграда.

Перечислим наиболее ходовые мифы, искажающие истинную картину великой обороны Ленинграда. Вот, например, такой. Никаких добровольцев при защите города не было. Преступные руководители насильно гнали в бой стада «совков». Этим последним нечего было защищать, так как Родина-то у них была не та, что надо.

Подобные построения – оскорбительная ложь в отношении сотен тысяч ленинградцев, которые добровольно, без колебаний готовы были отдать жизнь за свою «большую Родину» – СССР и прежде всего за свою «малую Родину» – за свой горячо любимый город – Ленинград. Тысячи и тысячи ленинградцев, не подлежащих мобилизации, после объявления о начале войны, осаждали военкоматы, требуя зачислить их действующую армию. Шестьдесят тысяч студентов ленинградских вузов вступили в народное ополчение Ленинграда.

В действительности ленинградцев насильно «гнали» порой, но не в ополчение, а из ополчения. Ученых, высококвалифицированных специалистов и рабочих оборонных предприятий буквально выводили из строя и отправляли на места их работы. Позднее, сплошь и рядом принудительно отправляли в эвакуацию рабочих и инженеров, деятелей культуры и искусства, да и вообще многих жителей города.

Дегероизаторы подвига Ленинграда постоянно муссируют утверждения о плохой (и даже безобразно плохой) организации обороны Ленинграда. Разумеется, можно привести немало примеров и неорганизованности, неподготовленности к решению ряда важных задач в управлении городом и его обороной. Да и могло ли их не быть? Блокаду Ленинграда и в самом деле никто не предвидел и не планировал. Все, что делалось для обороны города, делалось в исключительно сжатые сроки и при отсутствии какого-либо подобного опыта.

Многие решения и «наверху», и на местах принимались на ходу, стихийно, зачастую на страх и риск отдельных руководителей, директоров, командиров... И тем не менее в Ленинграде, в этом огромном городе, никогда, ни в какой момент – ни во время бомбежек и обстрелов, ни в дни жестокого голода, и нигде – ни в одном учреждении, ни на одной улице, ни в одном доме – не было паники. Ни малейшей паники.

С упорством, достойным лучшего применения, во всякого рода тенденциозных статьях, книгах и мемуарах говорится о нехватке винтовок у ополченцев, многие из которых, как утверждают, были вооружены только саперными лопатками с горючей смесью.

Да, бывало, что не хватало винтовок. Но, говоря об этом, нельзя забывать, что в первые же дни войны было создано 10 дивизий Армии народного ополчения Ленинграда и 16 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов общей численностью 130 тыс. человек, Армия ПВО – 20 тыс. бойцов, 7 истребительных полков численностью в 17 тыс. человек. Тысячи ленинградцев вступали в партизанские отряды для действий в тылу врага. Надо было вооружить также 14 частей морской пехоты...

Да, на всем Ленинградском фронте было всего 6 тяжелых танков КВ. Еще мало танков Т-34. Мало самолетов. Группа гитлеровских армий «Север», наступавшая на Ленинград, превосходила войска, оборонявшие город, – по пехоте в 2–4 раза, по орудиям в 4 раза, по минометам почти в 6 раз, по самолетам почти в 10 раз. И тем не менее две вооруженные до зубов армии – 16-я и 18-я – это 29 дивизий вермахта, поддерживаемые 4-й танковой группой, 1-м воздушным флотом «Люфтваффе» и финской армией, – были остановлены ленинградцами и не сумели взять Ленинград! А во время жестоких боев под стенами города летчики воздушной армии, защищавшей Ленинград, первыми за годы Второй мировой войны бомбили Берлин.

Суждениям о будто бы плохой организации обороны Ленинграда есть все основания противопоставить утверждение: организация неприступной обороны и управления блокированным городом является феноменом в мировой истории войн, не знающим себе равных. Вспомним хотя бы главные, порой поражающие воображение и кажущиеся невероятными примеры, подтверждающие сказанное.

С момента начала наступления немецко-фашистских войск на Ленинград 500 тыс. ленинградцев – пожилые мужчины, женщины, юноши и девушки подросткового возраста – строили на данных и ближних подступах к городу оборонительные сооружения. Всех их надо было собрать, отвезти к месту работ и обратно, вооружить шанцевым инструментом и накормить.

Вокруг города было создано 500 км. оборонительных рубежей, в боях на которых немецко-фашистское воинство было обескровлено и остановлено. В самом городе было выстроено 4100 дотов и дзотов, 35 км. Баррикад и противотанковых надолб, 22 тыс. огневых точек в домах.

Была организована и проведена эвакуация 70 заводов и фабрик, научно-исследовательских институтов и почти всех вузов, всех театров, за исключением Театра музыкальной комедии.

В осажденном городе, в оставшихся заводских цехах было налажено производство техники. В 1941–1944 годах в блокированном Ленинграде было изготовлено и отремонтировано 2000 танков, 1500 самолетов, 225 000 автоматов, 12 000 минометов, около 10 000 000 снарядов.

В 1941 году из осажденного и голодного города было отправлено в помощь Москве по льду Ладоги и самолетами более 1000 орудий. Надо ли напомнить, что вся эта огромная работа была проделана под постоянными бомбежками и обстрелами в цехах, месяцами не знавших тепла, нормального электроснабжения и водопровода...

К числу, быть может, наиболее грандиозных мероприятий, осуществленных в годы блокады, необходимо отнести и массовую эвакуацию из осажденного города его жителей, прежде всего детей. Из Ленинграда и пригородов было эвакуировано около одного миллиона семьсот тысяч гражданских лиц, то есть почти в три раза больше людей, чем оставалось в городе (примерно 800 тыс.). Гитлеровский план-директива – чтобы ни один человек, в том числе ни одна женщина, ни один старик, ни один ребенок не мог уйти из осажденного Ленинграда, был, таким образом, начисто перечеркнут. Эвакуация спасла от обстрелов, бомбежек и голода не только тех, кого удалось вывезти на Большую землю, но существенно облегчила участь тех, кто остался в блокаде.

Не будем, разумеется, скрывать и того, что «меньше стало нас» и за счет 600 тыс. ленинградцев, умерших от голода.

В Ленинград зимой и летом, по воде и воздуху шел нескончаемый поток грузов. Всего за годы блокады в Ленинград было доставлено более полутора миллионов тонн грузов. Прежде всего, продовольственных.

В свете всех этих фактов, по меньшей мере, смешно звучат постоянно повторяемые упреки в адрес руководителей обороны Ленинграда: ленинградцы – де голодали, а то и умирали от голода, а начальство в Смольном ело досыта, «обжиралось». Упражнения в создании сенсационных «разоблачений» на эту тему доходят порой до полного абсурда. Так, например, утверждают, что Жданов объедался сдобными булочками. Не могло такого быть. У Жданова был диабет, и никаких сдобных булочек он не поедал.

А что касается вопроса о том, как в Смольном питались, следует сказать: вероятно, хорошо питались. Но ведь и, слава богу, как говорится. Если бы руководители обороны города поумирали или хотя бы ослабели от голода, они не сумели бы организовать и возглавить ту огромную работу, которая спасла более двух миллионов жизней (считая воинов Ленинградского фронта), и обеспечить разгром фашистов, пытавшихся уничтожить Ленинград и его жителей.

Феноменальным, поражающим воображение примером организационной работы руководителей города было принятие решения о восстановлении в Ленинграде трамвайного движения. Что решение было принято в январе 1942 года, то есть в самый страшный момент

жизни голодного, насквозь промерзшего города, в котором электрического тока не доставало даже на то, чтобы в квартирах ленинградцев засветились лампочки. В момент, когда артиллерийскими обстрелами было разорвано 500 км. Трамвайных проводов и в сотнях мест были перебиты трамвайные рельсы... Был назначен точный срок, когда в городе должно быть восстановлено трамвайное движение, – 15 апреля 1942 года. И тот час же были начаты необходимые работы. Ровно через три месяца, в назначенный день – 15 апреля, по расчищенным ленинградцами ото льда и снега рельсам пяти маршрутов покатались 116 трамвайных вагонов.

Главным, что составляло и определяло феномен героической обороны Ленинграда, были, конечно же, люди города, ленинградцы. Словосочетание город-фронт очень точно засвидетельствовало тот факт, что фронтовиками, бойцами передовой линии обороны были не только собственно фронтовики, но и все жители города. И дети, и женщины, и юноши, и старики. Враг обрушил на них 5000 мощных фугасных бомб, 100 000 зажигательных, 150 000 снарядов, убивших и искалечивших тысячи людей на улицах и в квартирах, в цехах заводов, в госпиталях, в трамвайных вагонах... Но ничто не сломило двух ленинградцев.

Фашистская авиация сбросила на Публичную библиотеку более 200 зажигательных бомб. Для того чтобы воспламенить здание библиотеки и поджечь (хотя бы только поджечь!) хранившиеся в ней книги, достаточно было дать «сработать» одной, двум, трем «зажигалкам».

Ни одна из 200 упавших на Публичную библиотеку зажигательных бомб не сумела вызвать пожар. Все они были погашены и обезврежены сотрудниками библиотеки и их детьми-подростками, дежурившими на чердаках и на крыше. Более двадцати миллионов книг было спасено их героической работой для русской и мировой культуры...

В Институте растениеводства на Исаакиевской площади хранилась ценнейшая коллекция – тонны зерен пшеницы, ржи и других хлебных злаков, собранных в свое время во многих странах мира великим русским ученым Николаем Ивановичем Вавиловым. Сотрудники института, как и все ленинградцы, тяжело страдали от голода. Многие болели цингой, дистрофией, умирали. Но ни одна горсть зерна, ни одно зерно из коллекции Вавилова не были съедены сотрудниками института, хотя никто, кроме них самих, коллекцию не охранял...

В холодные зимние месяцы, в том числе в сорокаградусные морозы 1941 года, ленинградцы отапливали свои промерзшие комнаты печурками – «буржуйками», в пламени которых сжигали мебель, книги, дрова, напиленные ножовками из бревен разобранных деревянных домов городских окраин, разрешенных к сносу. Эти бревна ослабевшим от голода людям приходилось по одному волочить за собой через весь город... И в этих условиях – ни в Летнем, ни в Михайловском, ни в других садах Ленинграда не было срублено ни одного дерева!

Могут сказать, – и это будет правдой, что в осажденном городе имели место и мародерство (разграбление «выморочных» квартир), и преступность, и людоедство... Да, было и такое. Некоторые лица наживались, скупая за бесценок ценнейшие вещи: рояль за буханку хлеба, золотое кольцо за хлебную «пайку» в 125 грамм. Было, было все это! Но типичным было другое – великое блокадное братство: массовая, буквально всеобщая, всеобъемлющая взаимопомощь, неистребимая ничем любовь к родному городу, готовность подавляющего большинства ленинградцев умереть, но ни за что не сдать город фашистам. А в этом город и фронт были одно целое. Ленинградский фронт и Балтийский флот вместе с Ленинградом жили на скудном блокадном пайке. В первую блокадную зиму бойцы Ленфронта вынуждены были переносить голод в промерзших на сорокаградусном морозе окопах. Не только снаряды, мины, пули, которых враг не жалел, но и голодные обмороки, дистрофия, обморожения настигали многих бойцов и командиров фронта... И все-таки ни одна вражеская часть – ни один полк, ни один батальон, ни одна рота, ни один его солдат не смогли за все три года

блокады перешагнуть ту черту, на которой они были остановлены войсками Ленинградского фронта летом и осенью сорок первого года! Не смогли, несмотря на то что никогда не испытывали ни продовольственного, ни снарядного голода.

Надо ли напомнить, что Ленинград защищали не только ленинградцы. Наш город защищала вся страна. Многие гектары земли на восточном берегу Ладоги были буквально завалены продовольствием, которое присылали в помощь ленинградцам из всех концов СССР. В тыловых городах и в южных республиках с исключительной теплотой принимали эвакуированных ленинградцев. Тысячи ленинградских детей воспитывали, и часто усыновляли, в Сибири, в Казахстане, в Узбекистане...

В частях Ленинградского фронта сражались сыны всех народов Советского Союза. Так, в частности, 85-я стрелковая дивизия (бывшая 2-я дивизия народного ополчения Московского района), в которой служил автор этих строк, одно время прозывалась – «85-я Казахская стрелковая дивизия», так как ее полки получили большое пополнение из Казахстана.

И наконец, – Ленинградский фронт был одним из отрядов всего советского фронта. Он постоянно получал помощь Ставки Верховного командования Красной Армии, направлявшей в разное время на помощь Ленинграду силы других фронтов – Волховского и трех Прибалтийских. В обороне Ленинграда были проявлены ни с чем не сравнимые в мировой истории войн стойкость и мужество. История не знает другого примера неприступной обороны огромного города (мегаполиса) в течение трех лет. Не знает прорыва осады и разгрома осаждающего противника изнутри блокады. История не знает примеров такого массового героизма, примеров столь высокого взлета духовной и культурной жизни в осажденном городе, непрерывно подвергавшемся обстрелам и бомбёжкам.

Чем объяснить феномен героической обороны Ленинграда?

Для нас, участников обороны города, существует очень простое и ясное объяснение этого феномена: просто не могло быть иначе! Не могло такого быть, чтобы фашисты вошли в наш город – это же само собой разумелось.

Для историков и для людей новых поколений такое объяснение, надо полагать, может показаться недостаточным. «А почему не могло быть иначе?» – спросят они. Тому много причин. И двухсотлетние традиции непобедимой морской твердыни, громадный научный и промышленный потенциал. Еще не иссякшая к тому времени инерция революционной романтики. Несомненно, присутствовавшей особый ленинградский менталитет – чувство сопричастности каждого ленинградца к великим ценностям искусства, науки, русской и мировой культуры, собранным в его родном городе. Каждый ленинградец привык ощущать себя частицей своего великого города – его брони и гранита, его огня и стали, его исторического и духовного наследия.

Великая Отечественная война была и остается примером массового проявления бескорыстия, готовности людей прийти на помощь друг другу, поделиться последним куском хлеба, последней щепоткой махорки, последним бинтом.

На примере Великой Отечественной войны можно с неоспоримой убедительностью утверждать, что самая надежная частная собственность человека – это его человеческая душа, а самое большое его счастье – быть человеком, то есть жить не только для себя, но и для людей, для пользы своего народа.

Отечественная война 1941–1945 годов – великий урок подлинного, непоказного, чистого патриотизма, неизгаженного шовинизмом, то есть ненавистью к другим народам. Даже всенародная ненависть к немецким оккупантам, вполне ими заслуженная, не переросла в ненависть к немецкому народу.

Выпустить из рук знамя Победы над фашизмом – допустить использование его в качестве фигового листка, которым некоторые нынешние псевдопатриоты пытаются прикрыть свой фашистский срам, – было бы непростительным предательством миллионов павших на

фронтах Отечественной за то, чтобы уничтожить фашистскую гадину. Именно такой был лозунг воинов Великой Отечественной и всех истинных патриотов в годы войны: «Уничтожим фашистскую гадину!». Так не будем же забывать, Победой над кем и над чем мы гордимся.

Не будем забывать и всенародно признанного определения сути Великой Отечественной. Эта суть была точно сформулирована словами песни, которую запели в первый же день войны: «Идет война народная, священная война». Именно такой она была – народной и священной.

Духовная жизнь блокадного Ленинграда

Колосов Юрий Иванович

*академик Академии военно-исторических наук, президент
Международной ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в
годы Второй мировой войны*

Илья Оренбург сказал, что нет на свете города, который отдал бы столько жизней ради Победы, сколько отдал Ленинград. И если мы вошли в Берлин, так это потому, что немцы не вошли в Ленинград.

К сожалению, в историографии мы принижаем значение битвы за Ленинград и возвышаем значение битвы за Москву, – тенденция, сохранившаяся со времён И. Сталина.

Впервые об этом на самом высоком уровне заговорил президент Франции Франсуа Миттеран на празднование 50-летия открытия второго фронта. Мне довелось присутствовать на торжествах. Когда президенту задали вопрос, почему на торжественном мероприятии присутствуют представители Ленинграда, он ответил: «Если бы этот город не выстоял, пала бы Москва, с падением Москвы Россия выходила бы из войны. И сапог немецкого солдата до сих пор топтал французскую землю».

Но речь сегодня не об этом. К сожалению, тема духа и культуры Ленинграда не изучалась достаточно глубоко. Хотя Г. Жуков в своих записках отмечал: «Никто не может провести четкую грань между ролью собственно оружия, военной техники и значением морального духа войск. Однако бесспорно, что при прочих равных условиях крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются железной волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой».

Мне приходится бывать на многих конференциях, в том числе и международных, и практически везде и всегда на вопрос «Почему Ленинград выстоял?» ответом было «потому что сила духа ленинградцев была намного выше силы духа врага».

Ленинградские учёные. Их вклад в победу огромен. В частности, не в Америке, а на Ленинградском фронте впервые были применены радиолокационные установки «Редут», нанёсшие огромный урон немецко-фашистской авиации. Здесь следует упомянуть об различных изобретениях, внедрённых на советских танках и установках залпового огня – «Катюшах». Речь идёт не только о технических науках, но и гуманитарных. Начало войны совпало с 800-летием рождения классика персидской поэзии Низами¹. Юбилей не праздновался ни в Баку, ни в Москве, но по настоянию академика Орбели круглая дата отмечалась в Ленинграде. На улицах уже были трупы, но учёные, писатели, журналисты получили предписание от командования Ленинградского фронта явиться в Эрмитаж к определённому времени в распоряжение академика Орбели, и по окончании мероприятия вернуться в часть. О чём это может говорить как не о духовности ленинградцев.

Давайте не будем забывать, что в нашем городе родилось более 400 песен, которые поют и сегодня. Такого не было у врага. И это отмечают многие учёные.

Недавно мы отметили 100-летний юбилей величайшей поэтессы нашего города Ольги Фёдоровны Бергольц. Она была символом нашего города. И не где-нибудь, а в Портсмуте, Кале, в других городах, её называли и называют ленинградской мадонной. Можно назвать

¹ Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуфодин один из крупнейших поэтов средневекового Востока, внесший в персидскую эпопею реалистический стиль. Его наследие высоко ценится как национальное в Азербайджане, Таджикистане, Иране и Афганистане. Датой рождения Низами Гянджеви принято считать интервал между 17 и 22 августа 1141 года. Эта дата основывается на автобиографических указаниях в поэме «Хосров и Ширин» (прим. науч. ред.).

имена и других поэтов. Огромен их вклад в Победу. Своими стихами они помогали ленинградцам выжить, выстоять и бороться.

Мне довелось открывать две выставки в Англии и во Франции художников, рисовавших во время блокады. К сожалению, время работы экспозиций было ограничено, а желающих попасть намного больше пропускной способности залов, и люди занимали очередь ночью, чтобы попасть на выставку с утра. Действительно, интерес был огромный. Стиль зарубежных художников и ленинградских отличался в корне. Если европейские художники рисовали развалины, смерть, то ленинградские мастера рисовали жизнь, людей, надежду на хорошее будущее, и это в самые тяжёлые периоды блокады Ленинграда.

Кинофильмы. В Ленинграде впервые был показан документальный фильм о блокаде в 1942 году². Чуть позже он был дополнен, и его посмотрела вся страна. Факт уникален.

Спортивная жизнь города. Показателен факт футбольного матча в 1943 году³, радиотрансляция которого осуществлялась через линию фронта. Проводились детские соревнования.

В период блокады в городе работало 55 средних школ, а 39 сумели сделать выпуски и переводить из класса в класс.

Город защищало более шестидесяти тысяч детей и подростков и 15 249 из них были награждены боевой медалью «За оборону Ленинграда» и другими орденами и медалями, которые получали солдаты на фронтах.

После небольшого перерыва в сентябре возобновил работы Дворец пионеров (ныне дворец творчества юных), в котором был воссоздан хореографический ансамбль. Коллектив дал более 3000 концертов в госпиталях и в прифронтовой полосе. Весной 1943 в том же Дворце, состоялась олимпиада художественного и научно-технического творчества учащихся школ Ленинграда. Победители получили грамоты, книги и тёплые американские свитера. Но сейчас, я могу назвать, по меньшей мере, 30 человек, участников той олимпиады, которые стали руководителями НИИ, крупных отраслевых предприятий, признанными мировыми учёными. А заложено всё это было в 43-м.

Примеров можно приводить ещё много, но и этого достаточно, чтобы ощутить насколько высока духовность ленинградцев – великих людей великого города. А город наш уникальный и эту уникальность надо знать и понимать.

² Речь идёт о д/ф «Ленинград в борьбе», 1942, реж. Роман Кармен (*прим. науч. ред.*).

³ В период 1942–1943 г.г. в осаждённом городе было сыграно несколько матчей, но самые значительные в мае 1942 г. игра ленинградского «Динамо» с командой Краснознаменного Балтийского флота и командой Ленинградского металлического завода (*прим. науч. ред.*).

Духовно-ценностный смысл Петербурга

Помпеев Юрий Александрович

доктор культурологии, профессор, член Союза писателей РФ Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

В 1703 г. на окраине России, *на низких топких берегах*, начал свой земной путь Санкт-Петербург-уникальный дивный град, задуманный одним человеком, построенный по европейскому образцу и не похожий на другие русские города. Закладывался город по благословлению святого старца архиерея воронежского Митрофания, который предрёк царю Петру I в его молодые годы: «Будешь жить в других дворцах, на севере, и воздвигнешь новую столицу – великий город в честь святого Петра. Бог благословляет тебя на это».

Православная традиция пронизывает всю петербургскую историю. Основание города в день Святой Троицы нашло отражение в названиях ряда городских церквей. Городские стены были освящены в праздник Покрова Богородицы 1 октября 1703 г., что стало продолжением древней русской традиции обращения к покровительству Богородицы как стенохранильницы.

По предсказанию старца Митрофания, «Казанская икона будет покровом города и всего народа. До тех пор, пока Казанская икона будет в столице и перед нею будут молиться православные, в город не ступит вражья нога».

Это предсказание сбылось и в тяжелейшие годы ленинградской блокады.

Объявление Санкт-Петербурга в 1712 году новой столицей России знаменовало временной рубеж между древнерусским средневековьем и наступающим двухвековым, *петербургским* периодом истории страны. Он воплощен в облике города, в его памятниках и архитектуре. *Гранитный город славы и беды*, по выражению Анны Ахматовой, сыграл решающую роль в модернизации страны, в преображении России в европейскую и мировую державу.

В своей преобразовательной деятельности Петр I решается покончить с консервативными традициями многовековой Москвы. Воздвигая новую столицу, царь стремится упразднить московскую систему управления. Его принцип – не медлить с преобразованиями, не производить их по частям, а – сразу и по единообразному плану.

Северная столица на берегах широкой реки Невы создавалась как эталон европейского города, но с истинно российским размахом. Санкт-Петербург стремительно осваивал, претворял в жизнь глубинные традиции и современный опыт западной культуры, градостроительства. Складывался удивительный феномен Санкт-Петербурга: европейского города со своим неповторимо русским, самобытным обликом, отзывчивым характером, приветливостью и потехами.

С первых шагов Санкт-Петербург являл идею мирового культурного центра. Облик города складывался постепенно, со сменой эпох, полновесно и безукоризненно воплощая в себе господствующие архитектурные стили. Отличаясь, тем не менее, поразительным и неповторимым художественным единством, строгой гармонией монументальных зданий и величественных парадных ансамблей улиц и площадей, одетых в гранит набережных, повисших над реками и каналами мостов.

Любой город мира славен прежде всего людьми, оставившими незримый прочный след в душах потомков. Петербургский период – самый плодотворный в деятельности *отца русской науки* Михаила Васильевича Ломоносова. Он встретился со столицей в возрасте 24-х лет, в первый день нового, 1736 г. Граду святого Петра было тогда тоже немного лет, даже по меркам человеческой жизни, – город был всего на восемь лет старше Ломоносова. Но

и за столь короткий промежуток времени, всего за три с небольшим десятилетия, Петербург вырос в один из крупнейших городов Российской империи с 70-тысячным населением, со своим, резко отличным от всех остальных городов России неповторимым обликом. Необычно выглядели здания в центре города – нарядные, украшенные четко ритмующимися пилястрами и лопатками на фасадах.

Молодой ученый и поэт подметил, что не блещущий разнообразием ландшафт дает возможность строить безукоризненно прямые улицы, а на ровной горизонтальной поверхности выгодно выделяются достаточно высокие дома.

Михаил Ломоносов:

«Ровную и низкую земли плоскость природа подостлала как бы нарочно для помещения гор, рукотворенных для доказанья исполинского могущества России, ибо хотя здесь нет натуральных возвышений, но здания огромные вместо них восходят».

Не только здания выглядели необычно. Таких приусадебных садов и парков не было больше нигде в Отечестве. Аллеи, подчиняясь законам геометрии, то вытягивались прямыми лучами, то вписывались в безукоризненные окружности. Деревья и кустарники не росли привольно, как бог на душу положит, а выстроены по ранжиру, – то ровной гладкой стеной, то представляя собой пирамиды, шары, кубы и другие геометрические фигуры.

Путешествие М.В. Ломоносова и его товарищей закончилось на Стрелке Васильевского острова. Это и был центр города. Его значимость подчеркивалась великолепными дворцами, стоявшими на невских берегах. На это указывал и стройный шпиль Петропавловского собора. А широкий простор Невы не шел ни в какое сравнение не только с покинутой им Москвой-рекой, но и с родной для Ломоносова Северной Двиной.

Новые научные открытия Ломоносовской научной школы в Петербурге выявят неизвестные ранее строгие закономерности, управляющие жизнью природы, побудят искать пути к упорядочению общества и государства.

Ломоносов:

«Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущества в храбрости и самым высокомысленным супостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекиши к себе внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей Европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия, какового ни откуда приобрести невозможно, как от почтенных художеств».

Юный Александр Пушкин впервые увидел Петербург в 1811 г. Уже следующим летом юные лицеисты прощались с уходившими в наполеоновский поход воинами.

А.С. Пушкин:

«Вы помните: текла за ратью рать, // Со старшими мы братьями прощались // И в сень наук с досадой возвращались, // Завидуя тому, кто умирать // Шел мимо нас».

Россия прошла через тяжкие испытания Отечественной войны 1812 г. Сотни городов и селений были разорены. Тысячи русских воинов жизнью заплатили за независимость своего Отечества. 30 июля 1814 г. в столицу вернулись русские ратники, освобождавшие Европу. Возле Нарвской заставы установили Триумфальные ворота в классическом стиле – деревянные, но богато украшенные. Венчала триумфальную арку колесница Славы с шестеркой вздыбленных коней.

Имперская столица строилась и разрасталась. Каменное строительство обгоняло деревянное. Центр города становился всё наряднее, грандиозные петербургские ансамбли обретали свой заверченный вид. Складывался величественный облик Северной Пальмиры.

Константин Батюшков сообщает нам из 1814 г., с «Прогулки в Академию художеств»:

«Надобно расстаться с Петербургом на некоторое время, надобно видеть древние столицы, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите – какое единство! Как все

части отвечают целому! Какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями. Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке! Взгляните теперь на набережную, на эти огромные дворцы, один другого величественнее. На эти дома, один другого красивее! Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржеею, ростральными колоннами и прекрасными спусками и лестницами к воде. Как величественна и прекрасна эта часть города! Вот произведение, достойное покойного Томона, сего неутомимого иностранца, который посвятил нам свои дарования и столько способствовал к украшению Северной Пальмиры! Хвала и честь великому основателю сего города!».

В европейские языки вошло понятие *белая ночь* Петербурга как зеркальный перевод с русского.

Одно из самых прочувствованных описаний белой ночи принадлежит не литератору, а живописцу – Николаю Ге:

«Белая ночь есть бездонное, неуловимое созерцание. Это живая ночь бытия – то, чего не знает день. Белая ночь есть мудрость. Мудрость не мысль, мудрость есть обращенное чувство».

Белые ночи раскрывают замысел Петербурга как города великих свершений, открытого для восприятия достижений мировой культуры и, вместе с тем, несущего творческое излучение России в европейское пространство. Объединяющий свет белой ночи подчеркивает органическую слитность этих равнозначных начал.

Петербург способен будить не только восторженные, но и сумеречные настроения души.

За распространение слуха, навешанного первым большим наводнением еще при жизни Петра: *«Петербургу быть пусто!»*, жителей столицы жестоко наказывали. Чувство тревоги, порожденное сумятицей растущего города, обретало форму религиозно-мистических провидений.

Многие предсказания о конце города, о *пути в никуда* ложились на него черной тенью. После начала I мировой войны, этой *дуэли славянизма и германизма*, летом 1914 г., словно оберегая город святого апостола Петра от причастности к грядущим кровавым событиям, история заменила имя его небесного покровителя на земное имя основателя – и Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

Один из представителей петербургской интеллигенции, образец для подражания, Александр Николаевич Бенуа писал в книге «Мои воспоминания»:

«Николай II думал, что он вполне выражал свое душевное созвучие с народом, когда высказывал чувство неприязни к Петербургу, однако тем самым он отворачивался и от самого Петра Великого, от того, кто был настоящим творцом всего его самодержавного величества. Внешне и символически неприязнь эта выразилась, когда он дал свое согласие на изменение самого имени, которым прозорливый вождь России нарек свое самое удивительное творение. Я даже склонен считать, что все наши беды произошли как бы в наказание за такую измену, за то, что измелечавшие потомки задумали пренебречь “завещанием” Петра, что, ничего не поняв, они сочли, будто есть нечто унижительное и непристойное для русской столицы в данном Петром названии. “Петроград” означало нечто, что во всяком случае было бы не угодно Петру, видевшему в своей столице большее, чем какое-то мону-ментальное поминание своей личности».

22 февраля 1917 г., в день отъезда на фронт, император Николай II в последний раз проехал вдоль Невы и по Троицкому мосту на автомобиле в Петропавловский собор, чтобы помолиться перед гробницами царствовавших предков династии.

Арестованного 8 марта 1917 г. Николая II вместе с женой, сыном и четырьмя дочерьми отвезли сначала в Царское Село, затем в Тобольск, оттуда – в Екатеринбург. Там по постановлению Уральского областного совета и приказу из Кремля семья последнего российского императора была расстреляна в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. В 1998 году останки царя и его семьи были перезахоронены в Петропавловском соборе нашего города.

С 1914 по 1924 гг. Санкт-Петербург назывался Петроградом. В это роковое для России десятилетие вошли поражение в войне с Германией, свержение самодержавия, большевистский переворот 25 октября 1917 г., трагическая для любого народа гражданская война. И, наконец, в марте 1918 г. город утратил статус столицы.

На берегах Невы стоял опустевший, заброшенный, одичавший Петроград, будто бы полностью исчерпавший свою короткую жизнь в новой ипостаси.

Метель, ветер и снег – любимая поэтическая стихия революционного творчества петербуржца Александра Блока. В снежном вихре на Петербургской стороне поэту привидится Христос в белом венчике из роз и за ним идущие державным шагом двенадцать красногвардейцев. Это был тот Христос, которого мысленно призывали в XIX в. Александр Иванов и Николай Гоголь. Поэма «Двенадцать» была закончена Блоком в январе 1918 г. И уже тогда многим было ясно, что двенадцать красногвардейцев не пойдут вослед, а скорее станут конвоировать Христа, который померещился поэту в туманном и роковом Петрограде.

Ураган, пронесшийся с громадной разрушительной силой над всеми городами и весями бывшей империи в годы революции и гражданской войны, прошел не без ущерба для исторических и художественных памятников столицы. В то же время Александр Бенуа отметил *инстинкт пиетета*, присущий русскому народу, который и уберег в дни стихийного бушевания художественные сокровища от разгрома и разграбления.

В статье «Дворцы-музеи» 1923 года А.Н. Бенуа писал:

«В дни революционных ураганов по Петербургу ходили (а за границей и до сих пор ходят) слухи, будто все дворцы в самой столице и пригородах спалены огнем и опустошены войсками, не сдерживаемыми дисциплиной. Велика же была и радость, когда эти слухи, выдававшиеся за вполне достоверные, оказались небылицей, и мы снова смогли посетить Царское, Павловск, Ораниенбаум и Петергоф и любоваться всеми их красотами, как ни в чем не бывало созная, что лучшие и интереснейшие стороны исчезнувшего остались запечатленными и для нас, и для будущих поколений».

Были и другие суждения. Сразу после Февральской революции писатель Александр Амфитеатров, основатель «Русской воли», в печати и на митингах выдвигал требования убрать бронзовые статуи царей, раз идет борьба с царизмом и его идеологией. К идолам самодержавия Амфитеатров причислял прежде всего Медный всадник и памятник Николаю I на Исаакиевской площади.

Защищая художественно-историческую ценность дворцов и памятников имперской России, А.Н. Бенуа призывал не обижать себя и не обкрадывать, не губить красоту, доставшуюся в наследство, наоборот, беречь ее и пользоваться ею. В июле 1917 г. в статье «О памятниках» А.Н. Бенуа доказывал вполне, казалось бы, очевидное:

«Красоты, созданные при монархии, только кажутся рожденными произволом, на самом же деле в них проявились достижения очень сложной, многовековой культуры; они – результат бесконечной цепи традиций, бесконечного “атавизма идеалов”, и именно идеалов, а не просто угодничества. Будем копить искусство, а не тратить. Этот вид бережливости приличествует демократии».

В 1924 г. город обрел другое имя, и уже как Ленинград вошел в эпоху «социалистического» общества с его идеологией и моралью, постепенно превращаясь в *державный город с областной судьбой*.

Июнь 1941 г. Ленинград встретил солнечным, шумным, изумительным. Уже в ночь на 23 июня прозвучала первая сирена: вражеский бомбардировщик № 1 летел по направлению к Ленинграду, был атакован зенитной батареей и сбит. С 19 июля были введены карточки на продукты и промтовары.

Вскоре поэтесса Ольга Берггольц оказалась в группе самозащиты своего дома на улице Рубинштейна и вспоминала об этом в книге «Дневные звезды»:

«Уже сгорели Бадаевские склады – продовольственные запасы Ленинграда, и когда они горели, маслянистая плотная туча встала до середины неба и закрыла вечернее солнце, и на город лег тревожный, чуть красноватый сумрак, как во время полного солнечного затмения – первый вестник голодного моря, уже вступившего в наш осажденный город.

Мы были взволнованы странной листовкой, которую разбросал во время последней бомбежки немец, уже после пожара Бадаевских; она состояла из одной только фразы: “Ждите серебряной ночи”, и, конечно, внизу подлая виньетка и буквы “ит. в з.” – что означало “итык в землю”».

В начале сентября 1941 г. немцы пыточным поясом блокировали город с суши полностью, и не перерезанной осталась лишь узкая полоска через Ладогу. Большого фашисты достичь не смогли, остановились. Поняли: легче – голодом уморить, запереть и уморить голодной смертью, с воздуха растолочь, превратить в пылающий костер, в груды развалин эту Северную Пальмиру, в пепел, в сажу, в город-труп. В допетровское болото.

Немецкий военно-морской штаб издал секретную директиву «О будущности города Петербурга»:

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Предположено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей».

С газетных страниц врезаются в память стихи Анны Ахматовой: *«Вражье знамя / Растает, как дым. / Правда за нами, / И мы победим!».*

Ленинград олицетворяет великий искупительный подвиг народа перед судом истории – подвиг в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. 900 дней и ночей в пыточном кольце врага, потеряв миллион жителей, погибших от голода и холода, бомбежек и артобстрелов, город выстоял, не сдался и вновь потряс мир исполинским духом и мужеством. После блокады Ленинград пережил трудную эпопею восстановления и возрождения исторических памятников.

Время не смоеет облик ленинградцев, юношеский, самоотверженный. Они остались в книгах, в памяти друзей, внуков и правнуков, на музейных стендах. Память о них – правда Истории.

6 сентября 1991 г., после общегородского референдума, Санкт-Петербургу было возвращено его исконное, настоящее имя. Пройдя свой крестный путь, город заслужил право на воскресение.

Глядя на красоту, застывшую в камне, на спокойное и неостановимое движение широкой Невы, нельзя не уверовать в великое будущее Санкт-Петербурга, пожелав при расставании вслед за Пушкиным: *«Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия».*

Вклад физиков и химиков ленинградских научных школ в решение проблем советского атомного проекта

Судариков Андрей Михайлович

доктор исторических наук, доцент, профессор Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В ходе Великой Отечественной войны в середине 1942 г. на одно из первых мест отечественной оборонной науки выдвинулась задача создания ядерного оружия и средств его доставки. Предпосылки для решения этой задачи были созданы в довоенные годы, когда физика атомного ядра и космических лучей стала одним из перспективных направлений развития науки.⁴

В СССР фундаментальные исследования в физике атомного ядра по некоторым параметрам опережали достижения мировой науки. В 1928 г. яркий представитель ленинградской научной школы, выпускник и сотрудник Ленинградского университета Г.А. Гамов предложил теорию α -распада. В 1932 г. Д.Д. Иваненко разработал новую протонно-нейтронную модель ядра, в 1934 г. И.Е. Тамм – идею обмена ядерных сил. Нельзя также не упомянуть об открытии таких новых явлений, как испускание электронно-позитронных пар возбужденными атомами (ленинградцы А.И. Алиханов, М.И. Козодаев), свечение чистых жидкостей под влиянием заряженных частиц (П. А. Черенков под руководством С.И. Вавилова), изомерия радиоактивных ядер (ленинградцы И.В. и Б.В. Курчатовы, Л.И. Русинов). Все они, безусловно, подтверждали высокий уровень российской физики.⁵

В 1936 г. Яков Иванович Френкель предложил теорию деления атомного ядра, исходя из капельной модели ядра. В 1939 г. он сформулировал основы теории деления тяжелых ядер, предсказав спонтанное деление. Важно отметить, что Френкель, как и Г.А. Гамов, был тесно связан с ленинградской научной школой: он окончил Петроградский университет (1916), работал в Ленинградском физико-техническом и Ленинградском политехническом институтах.

Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон первыми развили теорию и дали расчет цепной реакции деления урана-235. В 1940 г. Г.Н. Флеров и К.А. Петржак под руководством И.В. Курчатова открыли спонтанное деление ядер урана. Эти и ряд других открытий и исследований выдвинули советскую физику на передовые рубежи мировой науки.⁶

Главный конструктор атомной бомбы СССР академик Ю.Б. Харитон писал: «Задолго до получения какой-либо информации от разведчиков сотрудниками института Химфизики Я.Б. Зельдовичем и автором этой статьи в 1939 и в 1940 г., был проведен ряд расчетов по разветвленной цепной реакции деления урана в реакторе как регулируемой и управляемой системе. В качестве замедлителя нейтронов авторами предлагалось использовать тяжелую воду и углерод. В те же предвоенные годы Г. Флеровым и Л. Русиновым экспериментально были получены важные результаты по определению ключевого параметра цепной реакции – числа вторичных нейтронов, возникающих при делении ядер урана нейтронами. В ряде фундаментальных достижений этого периода было и открытие Г. Флеровым и К. Петржаком самопроизвольного, без облучения нейтронами деления ядер урана.

⁴ Архив РАН. Ф.2. Он. 1а (38). Д. 127. Л. 9–17.

⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Он. 23. Д. 1636. Л. 4–6, 17–19.

⁶ Архив РАН. Ф. 471. Он.1 (38–39). Д. 61. Л. 10–19.

Перечисленные результаты, как и другие важные работы советских физиков, были сразу опубликованы в научных журналах и явились основой для решения атомной проблемы в СССР.

Кроме того, Я.Б. Зельдовичем и мной были выявлены условия возникновения ядерного взрыва, получены оценки огромной разрушительной мощи. Сообщение на эту тему было сделано нами летом 1939 г. на семинаре в Ленинградском физико-техническом институте. Позднее, в 1941 г., нами с участием И. Гуревича была уточнена критическая масса урана-235 и получено ее правдоподобное, но из-за приближенного знания ядерных констант, конечно, неточное значение. Однако эта часть наших работ не была тогда опубликована из-за введенных к тому времени требований секретности». ⁷ Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон опровергли бытовавший в то время миф о возможности взрыва в природном уране-238. ⁸

Директор Института химической физики АН СССР академик Н.Н. Семенов в числе первых обратил внимание на возможность создания «урановой взрывчатки». Его письмо в правительство до сих пор не найдено, но, по словам Ю.Б. Харитона, Н.Н. Семенов неизменно продвигал решение этой проблемы, как в научном, так и в организационном аспектах и «предопределил наш успех в решении урановой проблемы». ⁹

Значение «урановой проблемы» и радиоактивности для будущего человечества одним из первых осознал и академик В.И. Вернадский. В письме своему ученику Б.Л. Личкову, Владимир Иванович отметил «большой сдвиг в области радиоактивности», который «очень мало отразился в нашей литературе, хотя в первый раз мы, кажется, не отстали. Во всяком случае, эти новые явления – разлом атомов урана – одновременно открыты и в Радиевом институте». ¹⁰ В июне 1940 г. В.И. Вернадский получил письмо от сына историка Г.В. Вернадского из Вашингтона с вырезкой статьи из «Нью-Йорк Таймс» от 5 мая 1940 г. «Громадный источник мощи, открытый наукой в энергии атома», где говорилось об исследованиях и практическом использовании атомной энергии урана. В ответном письме от 5 июня 1940 г. Владимир Иванович писал: «Спасибо за присылку выдержки из «New-York Times». Это было первое известие об этом открытии, которое дошло до меня и до Москвы вообще. Я немедленно двинул дело. 25. VI образована в Академии «тройка» под моим председательством (Ферсман и Хлопин)». ¹¹

Крупнейшие русские ученые академики В.И. Вернадский и В.Г. Хлопин оценили открытия в области физики ядра как решающий шаг к началу освоения атомной энергии. В 1940 г. они обратились к академику-секретарю Отделения геолого-географических наук АН СССР П.И. Степанову со специальной запиской, в которой, в частности, говорилось: «Открытие в 1939 г. явления деления урана под действием нейтронов, сопровождающееся выделением огромных количеств энергии..., впервые вплотную поставило вопрос о возможности использования внутриатомной энергии для нужд человечества... Поэтому мы просили Отделение геолого-географических наук обсудить вопрос о состоянии поисков и разведки урановых месторождений, наметить план развертывания этих работ и войти в Правительство с проектом соответствующих мероприятий». ¹²

16 июля 1940 г. на заседании Президиума Академии наук комиссии в составе В.И. Вернадского, С.И. Вольфовича, В.Г. Хлопина было поручено к 1 августа разработать

⁷ Харитон Ю. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? / Ю. Харитон // Известия. – № 236. – С. 8.

⁸ Архив Российского научного центра «Курчатовский институт» (далее – Архив РНЦКИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 14–37.

⁹ Харитон Ю.Б. Начало / Ю.Б. Харитон // Воспоминания о Н.Н. Семенове. – М.: Наука, 1993. С. 40.

¹⁰ Архив РАН Ф. 2. Оп. 1 а (40). Д. 216. Л. 9–10.

¹¹ Трифонов Д.Н. К истории Комиссии по проблеме урана / Д.Н. Трифонов // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 2. С. 93.

¹² Архив РАН. Ф. 535. Оп. 1 (39–44). Д. 67. Л. 87.

план по использованию внутриатомной энергии урана, созданию методов разделения изотопов урана и управлению процессами радиоактивного распада, а также подготовить проект записки в Совет Народных комиссаров СССР.¹³ В.И. Вернадский ходил на прием к главе советского правительства В.М. Молотову с целью лично проинформировать его о государственной важности работ по урану и развертывании этих исследований в США. 30 июля 1940 г. Президиум АН СССР в соответствии с решением Правительства постановил: «В целях дальнейшего развития в АН работ по изучению урана и возможности использования его внутриатомной энергии образовать при Президиуме АН комиссию по проблеме урана и установить основные задачи комиссии». В комиссию вошли 14 видных ученых-радиологов, минералогов, физиков, химиков, геологов, энергетиков (среди которых восемь представителей научных школ Ленинграда): академики В.Г. Хлопин (председатель), В.И. Вернадский (заместитель председателя), А.Ф. Иоффе (заместитель председателя), члены комиссии С.И. Вавилов, А.П. Виноградов, П.Л. Капица, Г.М. Кржижановский, И.В. Курчатов, П.П. Лазарев, Л.И. Мандельштам, А.Е. Ферсман, А.Н. Фрумкин, Ю.Б. Харитон, Д.И. Щербаков.¹⁴

Комиссия должна была «определить размеры ассигнований и количество материалов и металлов (урана и цветных металлов), необходимых для этих работ», организовать изучение урановых месторождений, для чего командировать осенью 1940 г. в Среднюю Азию бригаду АН СССР под руководством А.Е. Ферсмана.¹⁵ Радиевому институту предлагалось закончить в текущем году «дооборудование действующего циклотрона»; ФИАНу – подготовить к 15 октября 1940 г. программное задание, проект по строительству нового мощного циклотрона в Москве.¹⁶

Однако при всех инициативных действиях молодых физиков и авторитетных академиков АН СССР до начала Великой Отечественной войны проблема урана в России не была выведена на государственный уровень. Отчасти это объяснялось тем, что многие крупные ученые считали создание атомного оружия делом отдаленного будущего (ближайших 15–20 лет). Тормозило развитие работ и практическое отсутствие в стране препаратов урана. Сырьевые ресурсы оставались невыясненными. До 1940 г. не было получено ни одной тонны отечественного урана, в то время как, например, только в Канаде производилось в год свыше 400 т урановых соединений.¹⁷

За рубежом создание атомной бомбы считалось практически осуществимым проектом уже в начале 1939 г., после публикации результатов исследования Отто Гана и Фрица Штрассмана, описавших распад ядер урана-235 под действием нейтронного облучения. Возможность создания атомного оружия на основе урана-235 была очевидной. Для этого нужно было решить сложную техническую задачу разделения природного урана на изотопы 235 и 238, и накопления урана-235 в количествах, которые могли бы измеряться десятками килограммов. Немецкие ученые уже в апреле 1939 г. информировали свое правительство о потенциальной возможности создания атомной бомбы.¹⁸ В США Альберт Эйнштейн по настойчивой просьбе коллег-физиков передал 2 августа 1939 г. письмо президенту Рузвельту, объяснявшее возможность создания атомного сверхоружия и предупреждавшее о том, что Германия, возможно, уже ведет работы в этом направлении. Фредерик Жолио-Кюри информировал правительство Франции о реальности атомного оружия в марте 1940 г. В различных

¹³ Архив РАН. Ф.2. Оп. 6 а. Д.24. Л. 35–36.

¹⁴ Там же. Л. 182–185.

¹⁵ Там же. Л. 182–185.

¹⁶ Там же. Ф. 530с. Оп. 1с. Д. 71. Л.87–90.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 530с. Оп. 1с. Д. 71. Л. 18-43

¹⁸ Ирвинг Д. Вирусный флигель. / Д. Ирвинг. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 57.

газетах США до середины 1940 г. обсуждалась возможная решающая роль атомного оружия для исхода войны. С середины 1940 г. вся информация о работах с ураном была засекречена.

Начало Великой Отечественной войны сложилось для нашей страны трагически, ученые переключились на решение непосредственных оборонных задач, и исследования в области атомного ядра приостановились. В конце 1941 г. к атомной проблеме возвратились вновь. С инициативой о возобновлении исследований выступил молодой ленинградский физик-ядерщик, выпускник Политехнического института Георгий Николаевич Флеров, который после вступления в ряды народного ополчения был направлен на курсы инженеров в Военно-воздушную академию.¹⁹

Знакомясь с университетскими библиотеками Казани и Воронежа, Г.Н. Флеров обнаружил, что в зарубежных изданиях атомная тематика повсюду засекречена. Никаких откликов на собственную публикацию 1940 г. о спонтанном делении урана Флеров не нашел. Это укрепило его убежденность в том, что прекращение исследований по физике ядра становится опасным для страны и способствует передаче инициативы Германии, Англии, США. В середине 1941 г. – мае 1942 г. Флеров пишет два письма председателю ГКО И.В. Сталину, а также уполномоченному ГКО по науке председателю ВКВШ при СНК СССР С.В. Кафтанову и И.В. Курчатову. В письмах молодой физик обосновывал и развивал идею возобновления ядерных исследований. По своему напору и содержанию письма беспрецедентны. Глубокая убежденность автора писем в своей правоте, одержимость и патриотический пафос обрамляли программу того, что необходимо сделать на государственном уровне.

Ю.Н. Смирнов сопоставил факты из воспоминаний С.В. Кафтанова, его помощника по НТС ГКО профессора С.А. Балезина, Г.Н. Флерова, М.Г. Первухина и сделал вывод, что письма в высокие инстанции достигали цели. Флеров в июле 1942 г. был отозван с Юго-Западного фронта в Москву для беседы с профессором С. А. Балезиным, который просил «сформулировать предложение о том, с чего надо начинать».²⁰ В связи с тяжелым положением на фронте летом 1942 г. в практическую стадию эта проблема не вступила, но постепенно предложения Флерова начали реализовываться.

Инициатива Флерова была не единственным проявлением активности ученых в данном направлении. Руководители Академии наук неоднократно обращали внимание советского руководства на возможность создания противником оружия массового поражения, основанного на принципах использования ядерной энергии. Наибольшую активность проявили тогда академики П.Л. Капица и А.Ф. Иоффе. «Именно Капица на антифашистском митинге ученых осенью 1941 г. первым гениально предсказал, что в развернувшейся мировой войне атомная бомба даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью может уничтожить столичный город с несколькими миллионами населения».²¹

Исторической датой, с которой следует начинать отсчет осуществления советского атомного проекта, является 28 сентября 1942 г. В этот день ГКО отдал распоряжение № 2352 сс «Об организации работ по урану», в котором Академия наук СССР (академик А.Ф. Иоффе) обязывалась «возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить Государственному Комитету Обороны к 1 апреля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Для этой цели предполагалось «организовать при Академии наук спе-

¹⁹ Архив Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе Российской академии наук (далее – Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе). Ф.З. Оп. 1. Д. 131а. Л.2.

²⁰ Смирнов Ю.Н. Г.Н. Флеров и становление советского атомного проекта / Ю.Н. Смирнов // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 2. С. 110–111.

²¹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год / П.А. Судоплатов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 307; Антифашистский митинг ученых // Вестник АН СССР. – 1941. – № 9-10. С. 9–10.

циальную лабораторию атомного ядра», к 1 апреля 1943 г. произвести в лаборатории атомного ядра исследования осуществимости расщепления ядер урана-235.²²

Спустя месяц, в разгар Сталинградской битвы, издается постановление ГКО № 2542 ОС от 27 ноября 1942 г. «О добыче урана», которое содержало ряд мер по организации разведки, исследования урановых месторождений, добычи и переработки урановых руд и получения концентратов и урановых солей. Таким образом, уже в 1942 г. наметились два основных направления советского атомного проекта: организация и проведение научно-исследовательских работ и организация добычи и переработки урановой руды.²³

Руководителем проекта по линии правительства и ГКО был назначен В.М. Молотов. Вячеслав Михайлович вспоминал о выдвижении Курчатова в 1971 г.: «У нас по этой теме работы велись с 1943 года, мне было поручено за них отвечать, найти такого человека, который бы мог осуществить создание атомной бомбы. Чекисты дали мне список надежных физиков, на которых можно положиться, и я выбирал. Вызвал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы и атомная бомба – оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе – он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще неизвестный Курчатов. Ему не давали ходу. Я его вызвал, поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление. Но он сказал, что у него еще много неясностей. Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки – разведчики сделали очень важное дело. Курчатов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами».²⁴

11 февраля 1943 г. ГКО принял распоряжение № 2872 сс «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану», в котором научным руководителем урановой проблемы был назначен И.В. Курчатов.²⁵ Заключение Курчатова по тем документам, которые он читал в Кремле в кабинете В.М. Молотова, датировано 7 марта 1943 г. Оценивая материалы разведки, И.В. Курчатов написал, что «вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, незнакомые с ходом работ по этой проблеме за границей».²⁶

12 апреля 1943 г. в Москве для исследований в области ядерной проблемы была организована Теплотехническая лаборатория № 2 АН СССР во главе с И.В. Курчатовым, которая на самом деле была секретным институтом. (Курчатов был назначен не заведующим, не директором, а именно начальником этой лаборатории, чтобы подчеркнуть особые оборонные цели этого нового академического центра).

Штат работников поначалу формировался преимущественно из кадров Ленинградского физико-технического института. В Москву были возвращены А.И. Алиханов, А.П. Александров, Л.А. Арцимович, И.К. Кикоин, Б.В. Курчатов, Ю.Я. Померанчук, К.А. Петряк, Г.Н. Флеров. Постепенно в работу лаборатории включались и сотрудники Института химической физики (ИХФ). Он был эвакуирован из Казани в Москву в 1944 году, и с лета этого года его ведущие ученые пополнили штат курчатовской лаборатории. В том числе были Н.Н. Семенов, Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон. Характерно, что из шести основных направлений ее работы пять возглавили выпускники Политехнического института: Л.А. Арцимович, И.В. Курчатов, И.К. Кикоин, Г.Н. Флеров, Ю.Б. Харитон.

²² Архив президента Российской Федерации (Далее – АП РФ) Ф. 22. Оп. 1. Д. 95. Л. 99.

²³ Там же. Д. 112. Л. 149–150.

²⁴ Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. / Ф.И. Чуев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 108.

²⁵ АП РФ Ф. 22. Оп. 1. Д. 134. Л. 90–91.

²⁶ Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 4. 1941–1945 годы. – М.: Международные отношения, 1999. С. 676.

29 сентября 1943 г. 40-летний И.В. Курчатов был избран сразу действительным членом АН СССР (под довольно ощутимым партийно-государственным давлением).²⁷

В области атомной проблемы развернулась крупномасштабная организационная и научно-техническая работа. Спустя 40 лет президент АН СССР академик А.П. Александров писал: «Пожалуй, именно 1943 г. явился решающим не только в войне, но и в атомной проблеме. Начались работы по всему фронту огромного плана, в них уже принимали участие крупнейшие руководители разных секторов промышленности – Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, В.А. Малышев, А.П. Завенягин, Е.П. Славский. Сам же Курчатов сформировал не только фронт работ по решению задачи создания атомной бомбы, но и по проектированию ускорителей для исследования по физике ядра, по разведочным работам в области атомной энергетики и первоначальным поискам в области термоядерных реакций».²⁸

В конце 1944 г. в Государственном институте редких металлов (Гиредмет) Наркомцветмета под руководством Н.П. Сажина и З.В. Ершовой были получены первые порции чистого металлического урана, а в конце 1945 г. принято решение об организации его заводского производства.²⁹

Однако организация исследований в СССР в годы войны была несопоставима по размаху с работами в США. И.В. Курчатов из данных разведки знал о масштабах усилий американских ученых. 29 сентября 1944 г. он писал Л.П. Берии: «В письме М.Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщили о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей... вокруг этой проблемы создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943–1944 году, положение дел осталось совершенно неудовлетворительным...

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же... решил побеспокоить Вас и просить Вас дать указание о такой организации работ, которая соответствовала бы возможностям и значению нашего Великого государства в мировой культуре».³⁰

3 декабря 1944 г. последовало постановление ГКО № 7069 сс «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых лабораторией № 2 Академии наук СССР».³¹ Руководителям наркоматов и главков предписывалось «лично принять меры, обеспечивающие поставку НКВД СССР, на который было возложено строительство лаборатории № 2 Академии наук СССР, оборудования, приборов, инструментов, материалов и товаров, о выполнении поставок докладывать ГОКО (т. Берия) два раза в месяц». В планах материально-технического снабжения Госплана лаборатория № 2 выделялась отдельной строкой. На в строящиеся объекты лаборатории направлялся спецконтингент (заключенные). В пункте 10 постановления говорилось: «Возложить на Берия Л.П. наблюдение за развитием работ по урану».³²

Однако главной проблемой, сдерживающей развитие работ, оставалось отсутствие необходимого количества металлического урана. Источником урана и радия было Тюя-Муюнское месторождение в Фергане. Разработка Табашарского рудника в Таджикистане началась в 1943 г. и он давал всего 4 тонны урана в год. А промышленный реактор требовал около 150 тонн урана. С целью решения проблемы добычи урана 8 декабря 1944 г. ГКО

²⁷ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 40. Л. 37, 90–92, 126; Ф. 471. Оп. 1. Д. 18. Л. 51; Ф. 2. Оп. 1(43). Д. 94. Л. 84.

²⁸ Александров А.П. Годы с Курчатовым. / А.П. Александров // Неделя. – 1983. — № 5. С. 6.

²⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 47. Д. 26. Л. 164–165.

³⁰ Архив РНЦКИ. Ф. 2. Оп. 1/с. Д. 31/2. Л. 1.

³¹ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 422. Л. 23–37.

³² Там же. Л. 2 7.

принимает постановление № 7102 сс/ов «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», которое устанавливало добычу урана «как важнейшую государственную задачу». Разведка, добыча и переработка урановых руд, разработка технологии металлического урана передавались из ведения наркомцветмета в ведение НКВД. В составе Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий НКВД СССР было организовано Управление по урану («Спецуправление НКВД СССР»). В системе НКВД создан и научно-исследовательский институт по урану, получивший первоначальное название «Институт специальных металлов НКВД», который должен был изучать сырьевые ресурсы и разрабатывать методы добычи и переработки урановых руд на уран и его соединения.³³

В мае 1945 г. Постановлением ГКО был создан объединенный Комбинат № 6 недалеко от г. Ленинабада по добыче и переработке урановых руд для всего региона Средней Азии.³⁴ К августу 1945 г. в распоряжении его директора полковника НКВД Чикова было уже 2295 заключенных, а к концу 1945 г. Комбинат № 6 переработал около 10 тыс. тонн урановой руды и получил 7 тонн уранового концентрата. В конце 1947 г. комбинат № 6 состоял из 7 урановых обогатительных фабрик, получавших руду из 18 рудников. Было получено 66 тонн уранового концентрата, что составило около 25 тонн металлического урана. В 1948 г. производство урана было увеличено вдвое. Однако и это не обеспечило потребностей промышленного реактора в Челябинске-40 (около г. Кыштым). Большая часть урановой загрузки этого реактора 1948 г. была получена из трофейного германского урана и добытого на рудниках Восточной Германии и Чехословакии. В 1950 г. на Ленинабадском комбинате работало 18 тыс. рабочих (из них 7210 заключенных) и он перерабатывал 600 тыс. тонн урановой руды. Тем не менее, до 1953 г. почти половина урана, загружавшегося в новое поколение реакторов, выплавлялась из концентратов, добытых в Яхимовских урановых рудниках (ЧСР) и на предприятии «Висмут» (ГДР).³⁵

Разворачивание научных работ по атомному проекту потребовало широкой подготовки специалистов, соответственно, 21 февраля 1945 г. в постановлении ГКО № 7572 сс/ов «О подготовке специалистов по физике атомного ядра», состоящем из 16 пунктов, намечалась программа подготовки кадров для учреждений, работавших по специальным заданиям ГКО в области атомного ядра.³⁶ Плановые задания на подготовку специалистов в первую очередь получили Ленинградский физико-технический институт и Радиевый институт. В Ленинградском государственном университете, Ленинградском политехническом институте ввели обучение студентов, отобранных среди отличников, переведенных из других вузов, по специальностям «физика атомного ядра», «химия радиоактивных и редких элементов», «компрессорные машины» и др. Преподаватели, научные сотрудники, инженеры, лаборанты, студенты и аспиранты кафедр физики атомного ядра освобождались от призыва в армию. В месячный срок ЦСУ провело регистрацию и учет специалистов-физиков во всех отраслях хозяйства, после чего И.В. Курчатов отобрал нужных для работы специалистов.³⁷

В результате проведения Соединенными Штатами успешных боевых испытаний атомной бомбы, когда японские города Хиросима и Нагасаки были подвергнуты бомбардировке урановой и плутониевой бомбами, необходимость интенсификации работ в СССР по атомному проекту стала совершенно очевидной. После совещаний в Кунцево, с руководителями урановой программы, И.В. Сталин подписывает важнейшее постановление, имевшее

³³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 423. Л. 169–175.

³⁴ Там же. Д. 494. Л. 75–86.

³⁵ Медведев Ж.А. Неизвестный Сталин. / Ж.А. Медведев, Р.А. Медведев. – М.: Права человека, 2001. С.209.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 453. Л. 228–235.

³⁷ АП РФ. Ф. 93. Д. 72(46). Л. 2–8.

стратегический характер. Постановлением ГКО № 9897 сс/оп (совершенно секретно, особая папка) «О Специальном комитете при ГКО» был создан орган, на который возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой отрасли; широкое развертывание базы СССР по добыче урана, месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. отраслях)». Спецкомитет обязывался «организовать промышленность по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с внутриатомной энергией, а также строительство атомно-энергетических установок и разработку, и производство атомной бомбы».³⁸

Спецкомитет № 1 при ГКО возглавил Л.П. Берия, заместителем его был назначен нарком боеприпасов Б.Л. Ванников. В состав Спецкомитета вошли государственные и партийные деятели и ученые: Н.А. Вознесенский, А.П. Завенягин, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, В.А. Махнев, М.Г. Первухин. При Спецкомитете был создан Технический совет для «предварительного рассмотрения научных и технологических вопросов... планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной энергии урана». В Технический совет под председательством Б.Л. Ванникова вошли академики А.И. Алиханов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, В.Г. Хлопин, члены-корреспонденты АН СССР И.Н. Вознесенский, И.К. Кикоин, профессор Ю.Б. Харитон, которые представляли научные школы Ленинграда.³⁹

Для непосредственного руководства научно-техническими и проектно-конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию атомных бомб при Совете народных комиссаров было организовано Первое Главное Управление при СНК СССР (ПГУ), подчиненное Спецкомитету. Начальником ПГУ был назначен заместитель председателя Спецкомитета Б.Л. Ванников (в 1953 г. ПГУ было преобразовано в Министерство среднего машиностроения). При ПГУ был создан и свой научно-технический совет под председательством Б.Л. Ванникова, заместителем которого стал И.В. Курчатов.

В распоряжение ПГУ были переданы научные, проектные, конструкторские, строительные и промышленные предприятия из других ведомств, включая лабораторию № 2 АН СССР. Под контроль Спецкомитета переходил научно-технический отдел разведки, причем Л.П. Берия пунктом 13 постановления ГКО № 9887 был обязан принять меры по организации закордонной разведки атомных секретов.⁴⁰

Отставание от США в научно-практических разработках заставило пойти на рискованный шаг. Было принято решение совершенствовать технологию в условиях действующих предприятий. Фактически ядерное оружие было создано на экспериментальном промышленном уровне.

Ключевую роль в советском атомном проекте сыграли представители ленинградских научных школ физиков и химиков. Причем именно высокий уровень собственных отечественных исследований в ядерной физике, физике горения и взрыва, а так же в радиационной химии обеспечил создание атомного оружия в предельно сжатые сроки. Ускоренному осуществлению атомного проекта, несомненно, способствовали сведения, полученные по линии научно-технической разведки, захваченные в Германии запасы урана и немецкие специалисты.

Особое место среди научных центров России принадлежало Ленинграду, ученые которого внесли в укрепление безопасности страны неоценимый вклад. Успешная работа над атомным проектом была бы невозможна без деятельности Физико-технического инсти-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 593. Л. 80–81.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 533. Л. 80–82.

⁴⁰ РГАСПФ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 533.. Л. 84.

тута, без Государственного радиевого института, без многих ученых-физиков петербургской (ленинградской) школы.

Огромной заслугой ленинградских вузов явилась подготовка кадров для исследовательской работы в ВПК, а также решение ряда научных проблем в области ядерной физики и радиационной химии. Решающий вклад внесен учеными Политехнического и Технологического институтов, Ленинградского государственного университета. Не будет преувеличением сказать, что после снятия блокады Ленинград продолжал играть, присущую ему с первых лет истории, роль крупнейшего центра военно-научного поиска, обеспечивавшего обороноспособность и стратегическую безопасность страны.

Документы подтверждают, что в научных коллективах под руководством выдающихся ученых ленинградских научных школ, несмотря на режим секретности, возник своеобразный стиль научной работы. Ученые ВПК, как правило, трудились с огромным энтузиазмом, не считаясь с затратами времени и здоровья. Для «ленинградского стиля» научной работы характерно стремление сделать больше, чем непосредственно требуется, работать на перспективу. Научные руководители-ленинградцы старались внести в исследования дух коллективного творчества, взаимного уважения и равноправия, насколько это было возможно в непростых условиях работы на режимных предприятиях.

«С энтузиазмом будем работать на оборону Отечества» (ученые вузов Ленинграда – фронту в годы Великой Отечественной войны)

Кольцов Игорь Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, заведующий кафедрой отечественной истории, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права

В первые же дни войны, как и десятки тысяч ленинградцев, труженики высшей школы вступили в ряды Красной Армии, народного ополчения, а оставшиеся в стенах вузов ученые направили все свои знания, научную деятельность на решение первоочередных задач оборонного характера. 2 июля 1941 г. старейший ученый города на Неве академик М. А. Павлов в статье «С энтузиазмом будем работать на оборону Отечества» опубликованной в «Ленинградской правде» писал: «Все мы горим желанием стать в ряды активных работников военной промышленности, полностью до конца отдать свои знания и опыт для того, чтобы фашистская язва была уничтожена»⁴¹.

В июле 1941 г. при Городском комитете партии была создана Комиссия по реализации оборонных предложений, в состав которой вошли видные ученые города А. Ф. Иоффе, Б. Г. Галеркин, М. А. Шателен, Я. Б. Зельдович, А. А. Петров и другие. Возглавлял Комиссию академик Н. Н. Семенов. Только в первые месяцы войны она одобрила 847 оборонных изобретений. Активное участие ученые принимали и в работе специальной технической комиссии, созданной в июне 1941 г. Она оказывала большую помощь заводам и фабрикам города в организации выпуска оборонной продукции, в совершенствовании техники производства.

Научные исследования ученые вузов Ленинграда не прекращали в годы войны ни на один день, даже в неимоверно тяжелых условиях блокады. Но если их тематика в 1941–1942 гг. носила преимущественно оборонный характер, то с 1943 г. в ней появляется новое направление, целью которого является оказание помощи в восстановлении городского хозяйства. Однако, на протяжении всей войны важнейшим требованием, предъявляемым к научно-исследовательской работе, проводимой в высшей школе, являлась ее согласованность с деятельностью учреждений АН СССР и отраслевых научно-исследовательских институтов.

Тематика научных исследований ученых Ленинграда, в том числе и вузовских в короткие сроки перестроилась на военный лад. Прежде всего, это относится к деятельности научного коллектива крупнейшего вуза страны – Ленинградского университета.

В составленный в первые недели войны план научных исследований ЛГУ было включено 204 темы оборонного характера. Возглавляемые профессорами вуза С. Э. Фришем, И. И. Шаравским и Д. И. Дейнека плодотворно на нужды фронта и тыла стали работать лаборатории университета. Академик А. А. Ухтомский, начиная с июля 1941 г. со своими сотрудниками разрабатывал в Физиологическом научно-исследовательском институте университета проблему травматического шока, имевшую большое значение для спасения жизни раненых. Профессор университета академик В. А. Фок и его сотрудники занимались составлением таблиц стрельбы и проводили много других работ оборонного характера. Ученых не раз

⁴¹ Ленинградская правда. 1941. 2 июля.

благодарили артиллеристы⁴². На химическом факультете под руководством академика А. А. Байкова работала специальная комиссия, помогавшая заводам в производстве оружия и боеприпасов. 1 октября 1941 г. университет организовал мастерскую, в которой над изготовлением требовавшихся фронту материалов трудилось около 100 профессоров, преподавателей и студентов. Ученые географического факультета вели исследования в области картографии и метеорологии, на геолого-почвенном факультете разрабатывались способы укрепления грунтовых оснований и другие темы, имевшие оборонное значение. Много сил и энергии ученые исторического факультета отдавали пропагандистской и лекционной работе, а брошюры профессора В. В. Мавродина «Ледовое побоище», Б. М. Кочакова, Ш. М. Левина, А. В. Предтеченского «Великое народное ополчение», вышедшие в августе 1941 г. массовым тиражом звали защитников Отечества не только на борьбу с врагом, но и внушали им уверенность в неизбежности разгрома фашизма.

21 ноября 1941 г. на состоявшемся заседании Ученого совета ЛГУ была принята резолюция, в которой подчеркивалась необходимость самого тесного сочетания учебно-производственной и оборонной работы, максимального использования знаний, сил и опыта всего коллектива для подготовки необходимых стране специалистов и для решения актуальных оборонных задач.

Показателем героического труда ученых ЛГУ было и то, что в тяжелейших условиях блокады не прекращались защиты докторских и кандидатских диссертаций. Только в период с 30 октября по 26 декабря 1941 г. было защищено 4 докторские и 12 кандидатских диссертаций. Приведем только один конкретный пример. В феврале 1942 г. ученый-фронтовик Я. Х. Иоселев защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Гидрометеорологическое обеспечение наземных войск Ленинградского фронта в период октября-декабря 1941 г.». Практические рекомендации диссертанта нашли широкое применение в ходе планирования дальнейших боевых действий⁴³.

После прорыва блокады научная работа в ЛГУ значительно активизировалась. В ней появилось новое направление: оказание помощи в восстановлении народного хозяйства. В качестве примера приведем следующий: научный коллектив географического факультета по заданию Леноблпроекта составил Атлас-справочник строительных материалов Ленинградской области, а сотрудники геолого-почвенного факультета приняли участие в изыскании месторождений строительных материалов, необходимых для восстановительных работ в освобожденных районах.

В связи с расширением деятельности Ленинградской группы в 1943 г. при уполномоченном ЛГУ было учреждено научное совещание рассматривающее вопросы научно-исследовательской и учебной работы. О значительном росте научно-исследовательской работы после возвращения эвакуированных подразделений в Ленинград красноречиво следующий факт: только в первом полугодии 1945 г. на 130 кафедрах было выполнено 696 тем. Все они имели важное народнохозяйственное значение. Как отмечалось, на состоявшемся в 1945 г. смотре работы вузов Ленинграда, Университет, занимая ведущее положение среди высших учебных заведений города, ведет чрезвычайно обширные и важные исследования.

Главным событием в жизни ЛГУ в 1944/45 учебном году стала юбилейная научная сессия, проходившая с 20 ноября по 8 декабря 1944 года. Это был своего рода коллективный отчет ученых и свидетельство возрождения Ленинграда как крупного научного центра. Всего на пленарных и секционных заседаниях было заслушано 216 докладов и сообщений, многие из которых представляли большой научный интерес и вносили вклад в развитие науки. Работа сессии получила положительную оценку научной общественности страны:

⁴² Материалы к биобиблиографии ученых СССР. В. А. Фок. М., 1956. С. 7.

⁴³ Ленинградский университет. 1819–1944. / Под редакцией В. В. Мавродина. М., 1945. С. 162.

отмечалась ее плодотворность, высокий уровень научных направлений, которые начали разрабатываться в условиях блокады.

В 1945 г. состоялось присуждение премий ЛГУ за выдающиеся научные труды. Первыми лауреатами университетских премий стали профессор Ю. В. Линник (за работу «О наименьшем простом числе и арифметической прогрессии») и профессор С. В. Калесник – автор фундаментального труда «Основы земледования».

В первые же недели войны в лабораториях Политехнического института под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР М. А. Шателена было организовано производство селеновых выпрямителей для военных целей. Заметим, что сразу же после начала войны в вузе был образован Комитет по оборонным работам. Продолжая научно-исследовательские работы оборонного характера, Политехнический институт в середине 1942 г. наладил производство электролитического кислорода, применявшегося в госпиталях для лечения больных и раненых, а несколько позже приступили к изготовлению сплава калий-натрий и металлического кальция нужного для военных целей.

Сразу после окончания войны в 1945 г. были изданы «Труды ЛПИ им. М. И. Калинина, № 1 1942 г., которые насчитывают 231 страницу текста. В редакционной статье говорится, что «Настоящий сборник составлен из работ, выполненных в условиях блокады в дни героической обороны Ленинграда»⁴⁴. Всего в книгу вошло 16 исследований, подготовленных учеными вуза. Среди авторов профессора вуза Ю. В. Баймаков, М. Д. Каменский, В. П. Ильинский, Г. Н. Никольский и др. Знакомство со статьями, вошедшими в том «Трудов» Политехнического института свидетельствуют, как о большом объеме научной работы, проводившейся учеными вуза в период блокады, так и в практической направленности и значимости выполненных исследований. В 1944 г. вышел труд заведующего кафедрой электрометаллургии цветных металлов ЛПИ профессора Ю. В. Баймакова «Электролиз в металлургии», написанный в блокадном Ленинграде, который был сразу же утвержден в качестве учебного пособия для втузов. Уверенный в скорой победе ученый думал уже о мирном строительстве, о восстановлении народного хозяйства. В предисловии к книге (оно написано в декабре 1943 г.) он писал: «Мирное строительство, а также восстановление хозяйства и промышленности нашей Родины по окончании войны поставят перед металлургами грандиозные задачи по производству легких, щелочно-земельных и других металлов. Для выполнения этих задач необходимо готовить кадры инженеров с широкими техническим и теоретическим кругозором, владеющих методом теоретического и технического анализа производства.»⁴⁵ Примечательно, что в 1944 г. Ю. В. Баймаков защитил докторскую диссертацию на тему «Расход электроэнергии при получении легких металлов».

Крупнейший специалист в области теоретической механики и баллистики профессор Военно-механического института Б.Н. Окунев в период блокады завершил многолетнюю работу над I томом капитального труда «Основы баллистики», который был издан в Ленинграде в 1943 г. В период блокады ученый подготовил исследование «Определение баллистических характеристик пороха и давления формирования», изданное в 1943 г. в Москве. Как писал на одной из страниц этой книги Б. Н. Окунев: «настоящий труд, написанный в Ленинграде зимой 1941/42 гг., автор посвящает Ленинграду и ленинградцам»⁴⁶. Оба исследования предназначались по определению автора, для строевого и инженерно-технического начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского флота; для инженерно-технических и научных работников оборонной промышленности, для профессорско-препода-

⁴⁴ Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, № 1. Л., 1945. С. 4.

⁴⁵ Баймаков Ю. В. Электролиз в металлургии. Т. 2. М., 1944. С. 3.

⁴⁶ Окунев Б. Н. Определение баллистических характеристик порога и давления форсирования. М.-Л., 1943. С. 3.

вательского состава и сотрудников высших технических учебных заведений⁴⁷. Завершенные зимой 1941/42 гг. и опубликованные в 1943 г. исследования Б. Н. Окунева свидетельствуют о том, что творческая деятельность ученого, подчиненная требованиям военного времени, была в высшей степени плодотворной.

Важной проблемой блокированного города стало обеспечение питанием ленинградцев, поскольку от ее решения зависела жизнь многих сотен тысяч людей. И поэтому впервые же недели блокады творческая мысль ученых обратилась к решению задач, связанных со снабжением населения продовольствием. От довоенного времени в порту скопилось немало целлюлозы, которая была заготовлена для бумажных фабрик. Группа ученых и инженеров во главе с профессором Лесотехнической академии В. И. Шарковым поставила перед собой цель превратить целлюлозу в пищевой продукт. И благодаря исследованиям ученых в конце ноября 1941 г., целлюлоза уже стала добавляться как примесь к хлебу. В ноябре 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил В. И. Шаркова орденом Трудового Красного Знамени «за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению продуктами питания Красной Армии и ВМФ».

Осенью 1944 г. было опубликовано Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников «О разрушениях памятников искусства и архитектуры в городах Петродворец, Пушкин и Павловск». В нем отмечалось, что в состав специальной комиссии, задачей которой являлось определение ущерба и пути восстановления памятников искусства и архитектуры, были включены профессора вузов Ленинграда академик А. А. Байков, А. И. Гегелло, В. А. Мануйлов, Н. В. Доброклонский, М. В. Фармаковский, кандидат архитектуры В. И. Пилявский⁴⁸.

Родина высоко оценила подвиг ученых высшей школы Ленинграда. В феврале 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о награждении Ленинградского университета «за выдающиеся заслуги в деле развития русской науки и культуры, за большие успехи в подготовке высококвалифицированных кадров для страны» орденом Ленина. Орденом Ленина были награждены профессора ЛГУ А. А. Вознесенский, Д. И. Дейнека, академики Б. Д. Греков, Е. В. Тарле. Всего правительственных наград были удостоены 42 человека⁴⁹.

В ноябре 1945 г. другой крупнейший вуз города – Ленинградский инженерно-строительный институт «за выдающиеся успехи в области подготовки инженерных кадров для строительства» Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Одновременно 36 сотрудников института получили ордена и медали. Среди награжденных орденами Ленина были профессора В. Ф. Иванов, Г. В. Никитин, И. Г. Попов, В. Н. Соколовский⁵⁰.

Правительственными наградами за успешное выполнение ответственных оборонных заданий и личное мужество были отмечены ученые и других вузов города. Так, орденом Трудового Красного Знамени наградили профессора Лесотехнической академии В. И. Шаркова, профессора Химико-технологического института им. Ленсовета М. С. Максименко, профессора Горного института А. Н. Кузнецова, профессора Политехнического института В. М. Андреева; орденами «Знак почета» – доцентов Химико-технологического института В. С. Козлова и А. И. Феклистова. Общее число, только по одному лишь институту Инжене-

⁴⁷ Окунев Б. Н. Изменение элементов траектории артиллерийского снаряда. М.-Л., С. 3.

⁴⁸ Комсомольская правда. 1944. 3 сентября.

⁴⁹ Ленинградская правда. 1944. 22 февраля.

⁵⁰ Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени Инженерно-строительный институт. 1832–1982. Л., 1982. С. 65.

ров железнодорожного транспорта, удостоенных в годы войны орденами и медалями Советского Союза составило 842 человека⁵¹.

Проведенные мероприятия позволили уже осенью 1943 г. начать учебные занятия в ряде вузов Ленинграда. Если в 1943/44 учебном году в Ленинграде функционировало 13 вузов, в 1944/45 учебном году – 31 вуз, то уже в 1945/46, первом послевоенном учебном году, их количество составило 50, то есть 85 % довоенного уровня, однако со значительно меньшим числом профессорско-преподавательского состава и студентов⁵². В 1950 г. число научных учреждений Ленинграда вместе с вузами достигло 187 (в 1940 г. их было 146), а количество научно-педагогических работников по сравнению с 1940 г. увеличилось вдвое. Эти данные позволяют утверждать, что к этому времени научный потенциал вузов был не только восстановлен, но по некоторым показателям превзошел довоенный. В последующие годы идет процесс его дальнейшего развития⁵³.

Существенное значение в деле восстановления и развития научного потенциала вузов как в годы войны, так и в первый послевоенный период имело Постановление СНК СССР «О научно-исследовательской работе в высших учебных заведениях», принятое в феврале 1944 г. и проведенная реорганизация Комитета по делам высшей школы в Министерство высшего образования СССР. Принимаются решения, касающиеся работы отдельных высших учебных заведений. В марте 1946 г. вышло постановление «О мероприятиях по укреплению Ленинградского государственного университета». Оно имело большое значение не только для развертывания учебной работы, но и для восстановления научного потенциала крупнейшего вуза страны⁵⁴. Так, благодаря принятым мерам, профессор ЛГУ академик В. А. Фок смог продолжить исследования по теории распространения радиоволн, к которым приступил еще в блокадном Ленинграде. В 1946 г. ученому за решение этих проблем была присуждена Государственная премия⁵⁵. Количество подобных примеров можно значительно увеличить.

В 2010 г. вышла в свет коллективная монография «Поклонимся Великим тем годам: 65 лет Победы».⁵⁶ В III разделе издания «Наука в годы войны» нашел отражение героический труд ученых Ленинграда, в том числе вузовских. В 10 главе «Высшая аттестационная комиссия в годы Великой Отечественной войны» (автор доктор исторических наук, профессор Е. П. Алексеев) отмечается: «Ни бомбы, ни снаряды не могли остановить процесс познания. Защита диссертаций не прекращалась во время войны во всех вузах, имевших право присуждать ученые степени кандидата и доктора наук. На ученом совете Ленинградского университета в 1941 г. было защищено 49 диссертаций, в том числе 7 докторских и 42 кандидатских. Некоторые из диссертаций имели практическое значение для Ленинградского фронта».⁵⁷

⁵¹ Ленинградский Институт инженеров железнодорожного транспорта. 1809–1959. М., 1960. С. 284.

⁵² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4265. Оп. 1. Д. 5187. Л. 32, 35; Народное хозяйство Ленинграда: Стат. сб. М., 1957. С. 126; Очерки истории Ленинграда: в 5 томах. Т. 5. Л., 1967. С. 557.

⁵³ Ленинград и Ленинградская область в цифрах. Стат. сб. Л., 1961. С. 157.

⁵⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1026. Л. 4; Вестник высшей школы. 1946. № 3–4. С. 1; № 5–6. С. 48.

⁵⁵ Вестник высшей школы. 1946. № 2. С. 11–12.

⁵⁶ Поклонимся Великим тем годам: 65 лет Победы / под ред. И. Ю. Лапиной, В. Ю. Жукова. СПб., СПбГАСУ, 2010.

⁵⁷ Там же. С. 222–223.

Организация академической науки в блокадном Ленинграде

Леонов Валерий Павлович,

*доктор педагогических наук, профессор, директор Библиотеки
Российской академии наук*

Баженова Наталья Михайловна

*кандидат филологических наук, заведующая отделом изданий
Российской академии наук, Библиотека Российской академии наук*

Одной из суровых доминант XX в. стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг., которая не только продолжает оказывать воздействие на общество, но и, пожалуй, усиливает его. Постепенный, но неотвратимый уход «поколения Победы» заставляет ученых все внимательнее относиться к событиям военного времени, искать новые пути изучения военного опыта. Повышенное внимание к событиям военного времени, как и к истории вообще, наблюдается и со стороны правительства, что обусловлено заботой о недопущении фальсификации истории.⁵⁸

БАН несколько последних лет активно разрабатывает военную тематику. 65-летию Победы она посвятила серию библиографических указателей академических изданий военного времени, материал которых актуализируется также в рамках фундаментальной академической программы «Научное наследие Российской академии наук». В 2008 г. БАН провела международные библиографические чтения, посвященные памяти одного из инициаторов и основных исполнителей уникальной библиографической деятельности военной поры – ученого секретаря БАН Константина Илларионовича Шафрановского (1901–1973).

В одном ряду с этими работами БАН стоит исследовательский проект «Материалы Комиссии АН СССР по делам ленинградских учреждений как источник по истории организации науки в блокадном Ленинграде». В рамках проекта подготовлены к изданию ранее не публиковавшиеся материалы об организации академической науки в блокадном Ленинграде. Цель такого издания – введение в широкий научный оборот архивных документов, касающихся деятельности регионального отделения Президиума АН СССР и уточнения представления об организации науки в блокадном Ленинграде.

Материалы, подготовленные к печати в ходе проекта (исследовательской работы в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН), касаются важнейшей составляющей ленинградской академической науки – организационной деятельности регионального академического органа управления, действовавшего с конца августа 1941 г. по начало февраля 1942 г.

Этот орган за время своей деятельности сменил несколько наименований и несколько составов.

Первый состав (конец августа – первая половина октября 1941 г.⁵⁹) – академик-секретарь Отделения биологических наук Л.А. Орбели – председатель Комиссии, академик-секретарь Отделения литературы и языка П.П. Мещанинов, академик-секретарь Отделения геолого-географических наук П.П. Степанов.

⁵⁸ Указ Президента Российской Федерации Д. А. Медведева «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. 2009. № 89 (4913). 20 мая. Среда. С. 9.

⁵⁹ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям: 25 августа 1941 г. – 29 декабря 1941 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 1. Л. 1-25.

Второй состав – академики С.А. Жебелев (председатель), И.Ю. Крачковский, профессор М.Л. Артамонов, профессор А.Н. Кириченко, начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев, доцент Б.В. Павлов (в составе были замены) – начал действовать 4 ноября⁶⁰ и 24 декабря 1941 г. (со смертью академика С.А. Жебелева) фактически завершил свою деятельность⁶¹.

С 29 декабря 1941 г.⁶² Комиссия начала работать в третьем составе. Председателем стал академик И.Ю. Крачковский, членами (в разное время) были: член-корреспондент М.М. Карнаухов, профессор А.Н. Кириченко, профессор С.И. Ковалев, профессор С.М. Доброгаев, кандидат исторических наук М. А. Тиханова, кандидат исторических наук С.Н. Бибилов, М.Е. Федосеев, кандидат биологических наук Б.В. Павлов, кандидат исторических наук А.И. Болтунова.

Второй и третий составы имели замены, число членов колебалось от 4 до 6. Блокада сильно повлияла на состав и степень самостоятельности Комиссии по делам ленинградских учреждений. Комиссия была существенно расширена за счет введения членов значительно более низкого по сравнению с первым составом номенклатурного ранга (доктора и кандидаты наук). Решения по введению в свой состав новых членов она стала принимать самостоятельно⁶³, причем, при обсуждении новых кандидатур учитывались их желание и возможность работать в Комиссии, а не только научное направление деятельности.⁶⁴ Проблематика, отраженная в документах Комиссии, чрезвычайно широка. Комиссия не только занималась регламентацией деятельности научных учреждений Ленинграда. На ней лежали подготовка к эвакуации отдельных лиц и учреждений в целом, организация длительных командировок для научных кадров (в глубокий тыл и за границу), обеспечение денежного довольствия отдельных лиц и учреждений, изменение штатного расписания учреждений, организация питания и лечения, обеспечение продовольственными карточками, обеспечение сохранности имущества погибших и эвакуированных научных сотрудников. Все это позволяет рассматривать сохранившиеся архивные материалы Комиссии как важнейший источник по управлению обеспечением жизни сотрудников академических учреждений Ленинграда в целом и бытовой истории каждого человека в отдельности. Жизнь каждого легче, разумеется, понять в общем контексте событий, происходивших в академической системе Ленинграда. В этом смысле архивные документы по организации жизни и деятельности ленинградских учреждений дают ключ к пониманию смысла этой организационной деятельности, позволяя увидеть:

- как общие решения входят в жизнь отдельной личности, изменяя и приспособляя ее к условиям академической организации;

- как развиваются отношения между потребностями организации и потребностями личности (совпадение или конфликт интересов);

- какие пути избирает организация для управления этими отношениями.

Особое значение материалы этого периода имеют для уточнения событий эвакуации. Для академических учреждений Ленинграда это эвакуация шрифтов Типографии АН СССР, подготовка к эвакуации Архива и Библиотеки АН СССР, включение в эвакуационный академический эшелон отдельных ученых, эвакуация руководящих работников ленинградских академических учреждений и замена уехавших руководителей высшего звена, утверждение

⁶⁰ Там же. Л. 27.

⁶¹ Там же. Л. 46.

⁶² Там же.

⁶³ Первое такое пополнение состоялось 5 ноября 1941 г., когда в связи с выбытием проф. А.Г. Гинецинского, проф. М.Л. Артамонова и проф. А.А. Данилова Комиссия ввела в свой состав д.б.н. проф. А.Н. Кириченко и к.б.н. Б.В. Павлова, который стал секретарем Комиссии. – Там же. Л. 28.

⁶⁴ Так, согласие работать особо оговорено при включении в состав членов Комиссии чл. – кор. АН СССР М. М. Карнаухов и проф. С.М. Доброгаева. – Там же. № 2. Л. 13.

кандидатур на должности вместо уехавших в эвакуацию, выбывших по болезни или умерших руководителей учреждений. Документы показывают эвакуационные события в динамике, поскольку война вызвала к жизни различные концептуальные модели сохранения академических учреждений (в том числе и БАН), которым соответствовал определенный период развития военных действий вокруг Ленинграда. Отражен в документах и животрепещущий кадровый вопрос, поскольку начало блокады вызвало к жизни резкое сокращение кадров в академических учреждениях и утверждение новых штатных расписаний. Документы фиксируют реальную ситуацию с финансированием ленинградских учреждений, по ним можно увидеть и размеры заработной платы сотрудников и руководящих лиц академических учреждений.

Острота сложившегося положения видна буквально в первом же протоколе (от 25 августа 1941 г.) заседаний Комиссии по делам ленинградских учреждений, в котором отражено тяжелое положение детей академических сотрудников, эвакуированных с детской организацией Ленинградского дома ученых в с. Борок⁶⁵ (отсутствие четкой организации эвакуации и регулярного финансирования, неудовлетворительные условия питания и проживания)⁶⁶.

Болезненно и долго решалась проблема эвакуации. В переписке по вопросам эвакуации учреждений АН СССР и по организации охраны ценностей в Ленинграде имеется письменное обращение⁶⁷ ленинградского академического руководства к главнокомандующему войсками Северо-Западного направления маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову и заместителю председателя Комитета обороны г. Ленинграда члену Военного совета Северо-Западного направления А. А. Жданову, где дается целостная картина, которая сложилась к началу блокады с эвакуацией ленинградских академических учреждений. Обращение освещает длительную историю обсуждения с разными инстанциями вопроса об эвакуации ленинградских академических учреждений и объясняет ситуацию, которая привела к тому, что практически все они (за исключением трех) остались в блокированном городе.

Отправка наиболее известных ученых вместо эвакуации в длительные командировки фактически являлась разновидностью эвакуации. Массовый характер направление в длительные командировки приняло с 27 августа по 13 сентября 1941 г. В этот период были оформлены командировки в Иран, в Таджикский филиал АН СССР, в Казань, в Ижевский медицинский институт, в Педагогический институт Новосибирска для заведования кафедрой.

Однако не все академические ученые стремились покинуть осажденный город – управляющему органу приходилось сталкиваться и с нежеланием сотрудников уезжать в эвакуацию. Так, в частности, 6 сентября 1941 г. на Ученом совете Пулковской обсерватории научные сотрудники высказались за то, чтобы оставить в Пулкове службу времени. Основная причина отказа уехать в эвакуацию: только в Пулкове (или, на крайний случай, в Ленинграде) оборудование и научные работники отдела могут давать ценную астрономическую информацию в общегосударственных и конкретных оборонных целях. Вопрос о том, что сотрудники Пулкова по-прежнему остаются на своем месте и не эвакуируются, обсуждался еще раз на Комиссии по делам ленинградских учреждений 20 февраля 1942 г.

Этот факт важен тем, что из мемуарных материалов, опубликованных в наше время, известно, какой ценой дался сотрудникам Пулковской обсерватории этот отказ – ради своего дела – от эвакуации. Так, Софья Александровна Павлова⁶⁸ – супруга профессора Николая Никифоровича Павлова⁶⁹ – писала в своем дневнике⁷⁰:

⁶⁵ Находится в Ярославской области.

⁶⁶ Там же. Л. 1–1 об.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 4. Л. 1–1 об.

⁶⁸ Старший вычислитель Обсерватории, дочь старшего астронома и ученого секретаря Главной астрономической обсер-

«Конец марта 1942 г.

Директор нашей Обсерватории⁷¹ вызвал меня к себе и сказал, что он узнал у главврача „Астории“ (где лежал тогда Коля⁷²), о безнадежном положении Николая Никифоровича и что мой долг забирать детей⁷³ и ехать в Ташкент вместе с учреждением, которое эвакуируется через два-три дня. На мою просьбу отложить отъезд хотя бы на несколько дней он ответил, что ничего сделать не может, так как еще только вчера он получил обвинение от моего большого друга К. И., что я не имею права задерживать эвакуацию из-за трупа Павлова.

Не колеблясь ни минуты, сказала, что никуда без Николая Никифоровича не поеду.

Ушла оглушенная, знала только одно: бороться до конца, до последних сил.

Знала также и то, что Коля борется вместе со мною. Что даже в самый тяжелый период болезни разум его оставался ясен, и желание жить и выздороветь было беспредельно, а это было почти все.

Дома ждали меня два маленьких беспомощных любимых существа, за жизнь которых я отвечала.

Через два дня, 18 февраля⁷⁴, они уехали. Они – это была маленькая горсточка людей, остальные же все умерли.

Умер профессор Циммерман, умер профессор Ренц со словами „мяса“, старший астроном Берг, старший астроном Елистратов с женой, заведующий механической мастерской Мессер, помощник зав. библиотекой Сапожников, вдова профессора Костинского, вычислительница Войткевич и почти весь младший технический персонал»⁷⁵.

В материалах Комиссии по делам ленинградских учреждений имеются сведения об эвакуационной концепции БАН СССР, о том, как она воспринималась другими академическими учреждениями Ленинграда. Сохранился подробный эвакуационный план от 8 сентября 1941 г., предварительно (6.09.1941) обсужденный в Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений⁷⁶. План получил одобрение Комиссии: на документе от 8.09.1941 г. стоит положительная резолюция ее членов – академиков Л.А. Орбели, П.И. Степанова, Н.Н. Мещанинова. В плане содержится подробное описание состава и численности эвакуируемых библиотечных фондов, а также аргументация в пользу сделанного отбора.

Предложенная БАН СССР эвакуационная концепция встретила активное сопротивление руководства части академических институтов, которые восприняли ее план как ущемление своих прав на получение информации и потребовали от Комиссии по делам ленинградских учреждений его пересмотра. В частности, ЛОИИ не только возражал против эвакуации алфавитного каталога, а также иностранного и справочного фонда, но, напротив, требовал принять меры к всемерному развертыванию в условиях войны и обороны Ленинграда спецфонда, справочного и газетного отделов БАН СССР.⁷⁷

ватории доктора физико-математических наук А. А. Кондратьева. См.: Письма-дневник из блокады / публ. В. Ю. Жукова и Н. Л. Марковой // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5: Материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 175.

⁶⁹ Доктор физико-математических наук, профессор. Из семьи астронома-геодезиста, профессора, генерал-майора Н. Д. Павлова. – Там же. С. 185.

⁷⁰ Там же. С. 175–191.

⁷¹ Александр Николаевич Дейч, доктор физико-математических наук, профессор. – Там же. С. 188.

⁷² Сам А. Н. Дейч лег в стационар «Астории» немного ранее Н. Н. Павлова. – Там же. С. 189.

⁷³ С. А. Павлова имела в то время двоих детей – сына Олега (1929 г. р.) и дочь Надю, которую С. А. Павлова еще кормила грудью. – Там же. С. 180–181.

⁷⁴ В примечаниях к тексту уточнено: 19 февраля. – Там же. С. 189.

⁷⁵ Там же. С. 183.

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 1. Л. 10.

⁷⁷ Там же.

В результате вопрос об эвакуационных планах БАН СССР должен был повторно обсуждаться на Президиуме (о чем свидетельствует резолюция на обращении ЛОИИ). В протоколах заседаний Президиума, тем не менее, повторное обсуждение этого вопроса не зафиксировано: очевидно, конфликт оказался исчерпанным после наступления полной блокады города, когда все ленинградские учреждения – в том числе и Библиотека – остались на месте.

Приведенные архивные документы интересны не только отражением в них различных взглядов Библиотеки и академических институтов как ее пользователей на сохранность библиотечных фондов, но и тем, что дают возможность проанализировать и представить эвакуационную модель Библиотеки первого военного периода в динамике. Анализ документов дает основания для предположений относительно существования еще одного плана сохранения фондов Библиотеки, которого пока обнаружить не удалось. Возможно, дата его создания относится к моменту подготовки общей эвакуации академических учреждений в г. Томск. Этот план, скорее всего, базировался на вынужденном отказе от эвакуации и предполагал укрепленное хранение в цокольной части здания ранее упакованных материалов и консервацию в зашитых стеллажах той части фонда, которая эвакуации не подлежала.

Таким образом, война вызвала к жизни две концептуальные модели сохранения фонда Библиотеки – эвакуационную модель и модель сохранения фонда на месте. Каждой модели соответствовал определенный период развития военных действий вокруг Ленинграда. Обе модели являлись составной частью общего плана руководства АН СССР по спасению ленинградских академических учреждений. Блокада города внесла свои коррективы в эти модели и заставила руководство БАН СССР применить план сохранения фонда на месте. Его исполнение нашло отражение в документах Комиссии по делам ленинградских учреждений. Решения по всем видам хранения⁷⁸ и использования⁷⁹ (так, например, первое упоминание о разрешении Библиотеке распаковать и расставить по полкам часть необходимых изданий относится к 6 апреля 1942 г.; тогда же право распаковать некоторые издания было предоставлено и академическим институтам⁸⁰) изданий, а также комплектования⁸¹ Библиотеки в военных условиях принимались централизованно на уровне регионального академического руководства. На этом же уровне принимались решения о сохранении фондов библиотек-филиалов (решение от 29 января 1941 г. относительно библиотеки Института химической физики, переданной во ФТИ⁸²).

Управляющий академический орган Ленинграда постоянно искал способы по возможности улучшить положение сотрудников академических учреждений. Так, 18 октября 1941 г. Ленинградскому отделению Президиума АН СССР пришлось отстаивать возможность горячего питания для ученых в академической столовой, поскольку Ленинградский городской совет (Ленсовет) принял постановление о передаче столовой ЛДУ в систему «Ленглавресторана». Ленинградскому отделению Президиума пришлось возражать – в постановлении говорится: «просить Исполком Лен. Гор. Совета сохранить столовую в ведении Ленинградского Дома Ученых в связи с ходатайством Совета Дома и Президиума Ленинградских Учреждений Академии Наук СССР об улучшении материально-бытового положения ученых». Столовая была сохранена.

По документам Комиссии по делам ленинградских учреждений видно, как академическая администрация боролась за увеличение продовольственного пайка ученым, сколько

⁷⁸ Там же. № 1. Л. 2.

⁷⁹ Там же. № 2. Л. 32 об.

⁸⁰ Там же. № 2. Л. 32 об.

⁸¹ Там же. № 1. Л. 43.

⁸² Там же. Л. 46.

составлялось обращений в различные инстанции города, чтобы выхлопотать академикам и членам-корреспондентам спецпайки, а докторов наук и директоров академических учреждений приравнять хотя бы к представителям рабочего класса и получить для них карточки категории Р (рабочей)! Процесс двигался очень медленно, но все же в середине февраля 1942 г. такое разрешение было получено.

Приходилось также улаживать острые финансовые конфликты, возникавшие при распределении академических средств, предназначенных для оплаты деятельности Типографии и Ленинградского отделения Издательства АН СССР: Московское отделение «Академкниги» отказывалось платить за отпечатанные в Ленинграде тиражи и, чтобы решить дело, приходилось обращаться непосредственно в Президиум АН СССР.

Этот состав Комиссии по делам ленинградских учреждений особое внимание уделял обеспечению сохранности имущества и библиотек умерших или эвакуированных ученых, активизации научной деятельности ленинградских ученых, созданием планомерной работы научных коллективов учреждений.

Протоколы Комиссии показывают, как руководил орган управления академическими институтами процессом научной деятельности ленинградских ученых. Огромную роль, например, сыграло в жизни всего блокадного Ленинграда заседание Комиссии по делам ленинградских учреждений от 5 января 1942 г., на котором был обсужден и получил всемерную поддержку доклад сотрудника ФТИ профессора Владимира Сергеевича Садикова «Новый метод комплексного использования дрожжей как промышленное задание в условиях военного времени». Внедрение этого открытия в производство спасло не одну сотню жизней ленинградцев, хотя сам автор открытия блокаду не пережил.

Материалы Комиссии по делам ленинградских учреждений позволяют также изучить предысторию известного эпизода из истории БАН блокадной поры, связанного с транспортировкой через линию фронта в Москву значительного количества ценных изданий для выставок, посвященных знаменательным академическим датам. Такие выставки были посвящены 450-летию открытия Америки, 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона и 400-летию со дня кончины Николая Коперника. Известно, что осенью 1942 г. в Москву книги сопровождали сотрудники БАН СССР К.И. Шафрановский и Э.П. Файдель, – этот факт отражен как в их личных документах⁸³, так и в истории Библиотеки⁸⁴.

Зафиксирован в документах момент, когда впервые родилась идея о возможности в условиях войны празднования знаменательной научной даты, которая важна была даже не сама по себе, а как свидетельство жизненности научных связей, скрепляющих научные сообщества двух союзных государств – СССР и США. Идея о том, чтобы научным событием отметить 450-летие открытия Америки высказал 3 апреля 1942 г. член Комиссии по делам ленинградских учреждений доцент Сергей Николаевич Бибиков. Комиссия по делам академических учреждений Ленинграда идею поддержала. Первоначально предполагалось организовать юбилейную конференцию силами сотрудников ленинградских учреждений – Института истории материальной культуры, Института археологии и этнографии, Ленинградского отделения Института истории, Географического общества, Ленинградского отделения Архива АН СССР, а к Президиуму АН СССР обратиться лишь за финансовой помощью.

Однако уже 6 апреля 1942 г. Комиссия обсуждает план организации торжественной юбилейной сессии Ленинградской группы Президиума АН СССР, для участия в которой предполагает значительно расширить состав организаций-участников и привлечь сотрудни-

⁸³ Архив БАН. Ф. 158/1. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 79, 90.

⁸⁴ Леонов В.П. О вкладе Библиотеки Российской академии наук в победу в Великой Отечественной войне/В.П. Леонов, Н.В. Колпакова, НМ. Баженова // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: материалы Всероссийской конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 143–156.

ков Ленинградского отделения Института истории, Института истории материальной культуры, Института археологии и этнографии, Эрмитажа, Географического общества, Ленинградского отделения Архива АН СССР и Библиотеки АН СССР. Для исполнения этого плана Комиссия решает просить перечисленные учреждения выделить своих представителей, подготовить ряд научных докладов, организовать выставку и подготовить печатный сборник.

10 апреля 1942 г. идея обрела еще более широкие масштабы: было решено посвятить знаменательной дате специальную сессию Объединенного ученого совета. Как известно, Президиум АН СССР не только поддержал это обращение, но и поднял ранг предложенного блокадным Ленинградом мероприятия на самый высокий академический уровень – была проведена специальная сессия Президиума АН СССР, открывшая серию торжественных заседаний Президиума АН СССР, посвященных другим датам и имевших в годы войны большое политическое значение.

Особое значение для оживления научной деятельности институтов Ленинграда играет создание Комиссией Объединенных ученых советов по гуманитарным и естественным наукам.

Как видим, проблематика документов Комиссии по делам ленинградских учреждений, подготовленных БАН к печати, чрезвычайно широка. Это позволяет рассматривать планируемую публикацию как важнейший источник по истории управления обеспечением жизни сотрудников академических учреждений Ленинграда в целом и каждого человека в отдельности.

Исследовательский проект БАН дает ключ к пониманию значимости этой организационной деятельности, позволяя увидеть, как общие решения входят в жизнь отдельной личности, изменяя и приспособляя ее к условиям академической организации; как развиваются отношения между потребностями организации и потребностями личности (совпадение или конфликт интересов); какие пути избирает организация для управления этими отношениями.

Исследованные архивные материалы позволяют сделать вывод о значимости документов Комиссии по делам ленинградских учреждений для изучения проблемы обеспечения управления и взаимосвязи всех академических учреждений города. Публикация такого ценного источника по отечественной истории XX в. не только актуальна, но и необходима. Она будет способствовать комплексному раскрытию истории блокады через отношения «человек – научное учреждение – город – фронт – страна». Такой ракурс позволит представить малоизученные аспекты истории блокады: организацию эвакуации научных институтов, ученых и служащих; создание бытовых условий академическим служащим и членам их семей; организацию аппарата управления ленинградскими академическими учреждениями; роль аппарата в обеспечении устойчивого существования академических учреждений в кризисной ситуации.

Блокадное служение Патриарха Алексия (Симанского)

Шкаровский Михаил Витальевич

*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*

Самые яркие страницы жизни и церковного служения Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (в миру Сергея Владимировича Симанского) были связаны с его деятельностью в блокадном Ленинграде. Родился будущий Патриарх 27 октября 1877 г. в Москве в дворянской семье чиновника. В 1896 г. он окончил лицей, в 1899 г. – юридический факультет Московского университета и в 1904 г. – Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. 9 февраля 1902 г. С.В. Симанский был пострижен в монашество с именем Алексий, 17 марта 1902 г. рукоположен во иеродиакона, а 21 декабря 1903 г. – во иеромонаха. В августе 1904 г. он был назначен инспектором Псковской Духовной семинарии, 18 сентября 1906 г. возведен в сан архимандрита с назначением ректором Тульской Духовной семинарии и 6 октября 1911 г. переведен ректором Новгородской семинарией с назначением настоятелем Антониевского монастыря. 28 апреля 1913 г. о. Алексий был хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии, в январе 1920 г. арестован ЧК, вскоре освобожден под поручительство, но 1 ноября 1920 г. приговорен Новгородским губревтрибуналом к 5 годам лагерей и затем на основании первомайской амнистии освобожден от наказания. 12 февраля 1921 г. епископ Алексий снова был приговорен по делу Новгородского Епархиального совета к 3 годам заключения условно. 21 февраля 1921 г. его назначили епископом Ямбургским, 1-м викарием Петроградской епархии. С 31 мая по 24 июня 1922 г. он управлял епархией, а в августе – октябре 1922 г. возглавлял Петроградскую автокефалию. 21 октября 1922 г. Владыка был опять арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. Он отбывал срок в г. Каркалинске и был освобожден в марте 1926 г. В июне – августе 1926 г. епископ временно управлял Ленинградской епархией, 2 сентября 1926 г. он был назначен управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского, а в конце 1926 г. – архиеп. Хутынского. С 18 мая 1927 г. архиеп. Алексий-член Временного Патриаршего Священного Синода. 18 мая 1932 г. он был возведен в сан митрополита с титулом Старорусский, с 11 августа 1933 г. служил митр. Новгородским, с 5 октября 1933 г. – митр. Ленинградским.

К началу Великой Отечественной войны отношения между государством и религиозными организациями в СССР были далеки от нормальных. Особенно жестокие антицерковные гонения осуществлялись в 1930-е гг., правда, к 1940-м гг. сталинское окружение, в основном под влиянием внешнеполитических обстоятельств, уже отказалось от запланированного полного уничтожения Православной Церкви в стране. Однако ее положение оставалось трагичным – множество запретов опутывало со всех сторон, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях. Так, в одной из крупнейших епархий страны-Ленинградской к лету 1941 г. уцелел лишь 21 православный храм, отсутствовали монастыри, духовные учебные заведения и т. п. На всей территории Российской Федерации (не учитывая Прибалтику, Украину, Белоруссию и Молдавию) к этому времени имелось лишь два правящих архиерея: возглавлявший Московскую Патриархию Патриарший Местоблюститель Сергей (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексий.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война коренным образом изменила весь привычный уклад жизни в стране. Не могло не измениться и положение Церкви, отношение к ней советского государства. Уже первые слова обращения И. Сталина к народу 3 июля 1941 г.: «Дорогие

соотечественники! Братья и сестры!» были подсказаны не марксистско-ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. Реальная действительность заставляла Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России.

Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Архиереям Русской Церкви, в том числе митрополиту Алексию не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников», правда, формально до 1949 г. он не был распущен. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Флагман же советского атеизма журнал «Под знаменем марксизма» начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат и т. п., а в 1944 г. и совсем прекратил свое существование.

В первые месяцы войны еще нередко проводились репрессии священнослужителей. Когда после начала войны Ленинград «очищался от неблагонадежных элементов», в соответствии с прежней практикой были запланированы репрессии против духовенства. В подготовленной 25 августа 1941 г. Ленинградским Управлением НКВД «Сводке на изъятие контрреволюционного элемента из гор. Ленинграда» намечалось арестовать 27 и выслать еще 38 «церковников, сектантов, католиков и клерикалов», что составляло примерно 3 % от общего числа запланированных «к изъятию» 2248 человек.⁸⁵

Уже через несколько дней начались репрессии. Возникло даже коллективное «церковное дело». 27–28 августа было арестовано несколько членов клира Никольской Большеохтинской церкви и священник Николай Ильяшенко. Однако осудить их не удалось, 4 сентября о. Николай был эвакуирован в тюрьму г. Новосибирска, а 15 июля 1942 г. освобожден, дело прекратили за недоказанностью обвинения. Также 28 августа оказался в заключении настоятель Никольской церкви в пос. Саблино Ленинградской области прот. Николай Блинецкий. Его эвакуировали в Новосибирскую область, где он и умер в тюремной больнице г. Мариинска 10 февраля 1942 г.⁸⁶ В первые месяцы войны был арестован и священник Спасо-Парголовской церкви о. Симеон. Он умер в ленинградской тюрьме к 1943 г. По свидетельству прихожан тело священника неизвестные люди привезли и положили на дороге у храма, заявив верующим: «Это ваш. Сами и хороните». Пастыря похоронили без гроба близ церкви на Шуваловском кладбище. Наконец, в начале 1942 г. был арестован из-за своего немецкого происхождения заштатный протоиерей Лев Муллер, работавший бухгалтером в Никольском соборе. Он был осужден как «немецкий шпион» и скончался в заключении 30 июня 1942 г.⁸⁷

Летом 1942 г. оказалась разгромлена тайная т. н. иосифлянская община архим. Клавдия (Савинского), а всего, согласно справке начальника Ленинградского Управления НКВД, к 1 октября 1942 г. в городе было ликвидировано семь церковно-сектантских контрреволюционных групп. В дальнейшем репрессии в блокадном Ленинграде проводились уже только в отношении членов тайных иосифлянских общин. С середины 1942 г. и в целом в стране аресты клириков Московской Патриархии почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки священнослужителей, в том числе к сентябрю 1943 г. 6 архиепископов и 5 епископов. Постепенно начали возрождаться епископские кафедры. Появились первые, пока еще редчайшие случаи восстановления закрытых храмов. Религиозные центры СССР

⁸⁵ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2 кн. – СПб.; М., 2002. Кн. 2. С. 29; Дело РСХД в Эстонии // Вестник русского христианского движения. 1995. № 171. С. 289–297.

⁸⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 7384, оп. 33, д. 153, л. 116; Справки Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 10/16-10918 от 18 января 1994 г. и № 10/14-1779 н/с от 10 мая 1995 г.

⁸⁷ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 73, л. 28, 31.

признали де-факто, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными церковными организациями.

Осень 1941 г. была очень тяжелым временем для страны. Фронт приблизился к Москве. 12 октября митр. Сергей написал завещание, первый пункт которого гласил: «В случае моей смерти или невозможности исполнять должность Патриаршего Местоблюстителя эта должность во всем объеме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей переходит к Преосвященному митрополиту Ленинградскому Алексию Симанскому».⁸⁸ В 1941–1944 гг. Владыка Алексий проживал в Николо-Богоявленском соборе, разделяя со своей паствой все тяготы блокады.

В начале 1942 г. было разрешено в пропагандистских целях возобновить издательскую деятельность Русской Церкви. 10 марта Л.П. Берия написал Сталину о том, что немцы пытаются использовать Церковь на оккупированной территории в своих целях, и НКВД считает целесообразным силами Московской Патриархии подготовить книгу-альбом, разоблачающую действия фашистов. Вскоре Политбюро приняло секретное решение о подготовке и публикации этого издания. Предисловие к книге «Правда о религии в России» (а не в СССР!) написал Патриарший Местоблюститель, заметное место в ней занимали обращения и статьи митр. Алексия, имелись и фотографии богослужений в кафедральном Никольском соборе. Подготовлена книга была в чрезвычайно короткие сроки и уже летом вышла из печати. Интересно, что ее напечатали в типографии практически переставшего существовать «Союза воинствующих безбожников», и часть тиража по оплошности имела гриф антирелигиозного издательства. Книга эта была издана тиражом 50 тыс. экземпляров, одновременно на нескольких языках и распространялась в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта.⁸⁹ В 1943 г. была подготовлена и напечатана еще одна пропагандистская книга «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», посвященная патриотической деятельности Московской Патриархии. В издание вошли и послания Владыки Алексия и его телеграмма Сталину.

В Ленинграде изменения в отношении городских властей к Церкви стали происходить уже в начальный период войны. Помимо церковных взносов в фонд обороны одной из сфер сотрудничества стала маскировка храмов, которые могли стать ориентирами и целями при воздушных налетах на город. Первая пробная маскировка была проведена 6 августа 1941 г. в Никольском соборе: сделали покрытие золоченого креста одного из куполов с помощью ткани и покраску нижней части купола. Работы по маскировке собора были сложными и продолжались в 1942 г., в том числе и в зимнее время. Наконец, 25 сентября 1942 г. был подписан акт о выполнении в полном объеме маскировочных спецработ, причем приходской совет оплатил их стоимость, составившую только в августе-сентябре 20600 руб. Подобные работы проводились и в отношении других храмов города, не только действующих, но и закрытых.

В подвальных помещениях ряда храмов (например, в Спасо-Преображенском соборе) были устроены бомбоубежища. Под Казанским собором в период блокады находился детский сад и одно время – отдел штаба Ленинградского фронта. Многие храмы использовались для хранения культурных ценностей. Так, Сампсониевский собор был занят филиалом Эрмитажа, Крестовоздвиженскую церковь занимало фильмохранилище, Афонское подворье и Новодевичий монастырь – архивы, Владимирскую церковь – филиал Публичной библиотеки и т. д. Особенно много музейных коллекций было размещено в Исаакиевском соборе в надежде на то, что германские войска, считая его гигантское здание ориентиром, не будут

⁸⁸ Одинцов М. Крестный путь патриарха Сергея // Наука и религия. 1998. № 8. С. 10.

⁸⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, он. 1, д. 6, л. 18; Fletcher W. A Study in Survival. New-York, 1965. P. 111–112.

специально пытаться уничтожить храм. Этот расчет оказался правильным, за весь период блокады в собор не было прямого попадания бомб или снарядов, и бесценные коллекции уцелели.

Целый ряд церковных зданий выполнял функции, связанные с патриотическим воспитанием жителей города и бойцов Ленинградского фронта. Особенно большую роль при этом играла Александро-Невская Лавра. С началом Великой Отечественной войны комплекс зданий Лавры сразу стал использоваться для военных целей. Первоначально в конце лета – осенью 1941 г. на территории монастыря был устроен укрепленный район с 9 опорными боевыми точками.⁹⁰ По воспоминаниям одной из бывших блокадниц, огневая точка была устроена даже в помещении ее квартиры в угловом здании Лавры, выходившем на набережную Невы. В Федоровском корпусе вблизи Троицкого собора разместилось бомбоубежище, а большая часть самого собора оказалась занята под воинский склад, причем одно время в нем хранили и боеприпасы.

В конце 1941 г. в части лаврских зданий разместился приемно-распределительный госпиталь № 1. Сюда в обязательном порядке поступали все больные и раненые военнослужащие, прежде чем попасть в какое-либо другое лечебное учреждение. В приемно-распределительном госпитале врачи оказывали первую медицинскую помощь, осуществляли диагностику и сортировку раненых и больных и направляли их затем в соответствующие лечебные учреждения. В функции врачей и медсестер также входило выявление «самострелов» и симулянтов, имелся в госпитале и штат политработников, которые изучали письма бойцов родным.⁹¹ Присутствие на территории Лавры большого количества военнослужащих стало одной из причин устройства в храмах монастыря мест патриотического воспитания защитников города.

Обращение в ходе войны к русским патриотическим, в том числе православным церковным традициям играло чрезвычайно важную роль в обороне Ленинграда. Достаточно упомянуть тот факт, что с городом на Неве была тесно связана жизнь, деятельность или история захоронений знаменитых русских полководцев – А. Суворова, М. Кутузова, Ф. Ушакова, святого князя Александра Невского, в честь которых учредили ордена в советских вооруженных силах (так орден Александра Невского был учрежден 29 июля 1942 г. по личному указанию Сталина). В Благовещенской церкви Лавры находилась могила генералиссимуса А.В. Суворова, и в 1942 г. было произведено ее художественное оформление. По эскизам художников Н.М. Суетина и А.В. Васильева в ноябре были выполнены два живописных панно, знамена и транспаранты. Сюда, к могиле непобедимого полководца приходили воины, отправлявшиеся на защиту родного города.

Также осенью 1942 г. художницами А.А. Лепорской и А.А. Ранчевской было произведено декоративное оформление притвора в Троицком соборе, где до 1922 г. находилась рака с мощами св. кн. Александра Невского. В воспоминаниях одного из блокадников говорилось: «Весной 43-го по городу расклеили афиши, извещающие о том, что открыт доступ к местам захоронения великих русских полководцев – Александра Невского, Суворова, Кутузова, Петра I. Я, конечно, сразу помчался в Александро-Невскую Лавру. Вхожу в Троицкий собор и гляжу: на карнизе, рядом со статуями, растут молоденькие березки! В соборе я, прежде всего, устремился к месту, где стояли мощи Александра Невского. Там был поставлен грубо побеленный фанерный ящик с надписью, утверждающей, что на этом месте были поставлены Петром I мощи Александра Невского. Зашел я в Благовещенскую церковь, на могилу А.В. Суворова: на ней, кроме плиты с автоэпитафией, поставлено склоненное красное знамя; такое же было на месте мощей Александра Невского». Имя князя стало особенно

⁹⁰ ЦГА СПб, ф. 4, оп. 6, д. 18, л. 2, 8.

⁹¹ Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 213.

популярно после выхода на экраны художественного фильма «Александр Невский» и воспринималось в качестве символа борьбы с германской агрессией на русские земли. Поэтому в 1944 г. в Троицком соборе была устроена выставка, посвященная св. кн. Александру Невскому, которую посетило большое количество военнослужащих Ленинградского фронта и жителей города.⁹²

На германских картах комплекс монастырских зданий был обозначен в качестве военного объекта и подвергался усиленным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам. Сильно пострадал от обстрелов Митрополичий корпус и здания Лавры, выходившие фасадами на Неву.⁹³ Значительный ущерб был нанесен и Троицкому собору. В акте 1944 г. отмечалось, что «общее состояние собора явно неблагополучно. Перекрытия разрушаются протечками в крыше, фасадная штукатурка во многих местах отстала, обнажив кирпичную кладку, архитектурные детали и лепка разрушаются. Состояние иконостаса из белого мрамора, ротонды престола и балюстрады амвона-удовлетворительное. В настоящее время в соборе устроена выставка, посвященная Александру Невскому».⁹⁴

Значительную роль в патриотическом воспитании играли также Петропавловский и Казанский соборы. На площади перед последним у памятников полководцам Отечественной войны 1812 г. Кутузову и Барклаю де Толли давали клятву уходившие на защиту Ленинграда воины. Для этой цели памятники в виде исключения не были закрыты мешками с песком. Одновременно воины посещали и расположенную в соборе могилу фельдмаршала М.И. Кутузова. В архивах имеются фотографии, запечатлевшие эту церемонию. Уже в первые месяцы войны антицерковная экспозиция занимавшего храм Музея истории религии была закрыта, и к осени 1941 г. устроена выставка «Героическое прошлое русского народа». Живописные полотна, рассказывавшие о военной истории России, и плакаты, призывавшие к борьбе с захватчиками, были размещены сначала напротив собора, а в октябре – на его колоннаде. С 1942 г. в Казанском соборе была развернута выставка «Отечественная война 1812 г.», которую активно посещали делегации с фронта.

Существенным шагом городских властей навстречу верующим стало выделение православным приходам минимально необходимого количества вина и муки для причащения богомольцев, так как в блокированном городе эти продукты было невозможно купить. Согласно опубликованному литературному варианту, это решение в Ленсовете приняли после того, как в начале 1942 г. митрополит Алексей внес в фонд обороны пожертвованные верующими три с половиной миллиона рублей и золотые украшения с драгоценными камнями на большую сумму: «На следующий день Владыке позвонили из Смольного и просили передать благодарность прихожанам от городского комитета обороны. Поинтересовались, не надо ли чего? Владыка ответил, что кончилось красное вино для богослужения, и с дровами тоже плохо. Сказали, что все будет доставлено. Предложили прикрепить его к столовой Смольного, но он отказался, сказав: «Как все, так и я». Тогда после короткого молчания голос в трубке ответил: «Мы будем вам помогать с продуктами и дровами». Владыка поблагодарил».

Весьма вероятно, что подобный разговор был, но только в конце осени 1941 г. (церковные жертвования к тому времени уже составили значительную сумму). Сохранившиеся же архивные документы свидетельствуют, что первое заявление о выделении муки и вина поступило курировавшей церковные дела в Ленсовете старшему инспектору административного отдела А.В. Татаринцевой от общины Никольского собора 1 ноября 1941 г.

⁹² Иеродиакон Викентий (Кузьмин). Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры. – Л., 1985. Рукопись. С. 59.

⁹³ ЦГА СПб, ф. 8557, оп. 9, д. 11, л. 10.

⁹⁴ Добрынин М. Историческая справка по Троицкому собору Александро-Невской Лавры. – Л., 1959. Рукопись. С. 83.

Для принятия решения об оказании помощи приходам городскому руководству понадобилось почти два месяца. И все-таки в самый разгар страшной голодной зимы с 29 декабря 1941 г. по 3 января 1942 г. семи православным общинам города были впервые выделены в общей сложности 85 кг муки и 100 бутылок (75 литров) вина. Продукты были выданы не бесплатно, прихожане оплачивали их по государственным расценкам. Так община церкви св. Иова заплатила за 10 кг муки и 7,5 литров вина 296 рублей.⁹⁵

Начиная с февраля 1942 г. выдача продуктов для богослужений стала ежемесячной. Размер ее на протяжении двух лет почти не менялся. В марте-мае 1942 г. семь общин получали по 135 кг муки и 85 литров вина ежемесячно, во второй половине 1942 г. – восемь общин (в их число вошел приход закрытой несколько месяцев из-за хранения в ней трупов Серафимовской церкви) – по 145 кг и 82–94 литра. Помимо предоставления продуктов для богослужений городские власти сделали и ряд других уступок верующим. Общинам Никольского и Спасо-Преображенского соборов был предоставлен воск для изготовления свечей. Известный ученый-музыковед Н.Д. Успенский, ставший в феврале 1942 г. регентом в Никольском соборе и создавший новый хор, сумел добиться выдачи певчим не только хлебных, но и других продуктовых карточек. На Охте для отопления собора в начале 1942 г. выделили деревянный дом.

Своеобразное признание значительной роли религиозного фактора в обороне города со стороны властей произошло весной-летом 1942 г. Когда принималось решение оставить в городе лишь тех, кто необходим для удовлетворения потребностей фронта и «насуточных нужд населения», приходское духовенство получило возможность продолжить свое служение. Были эвакуированы лишь два штатных священника – 27 марта Сергей Бычков и 24 июля Илия Попов. Заштатных священнослужителей также было эвакуировано немного, всего лишь два-три человека. Впрочем, из действующую армию священнослужители Ленинграда призывались чрезвычайно редко, лишь в конце июня 1941 г. – диакон Иоанн Долгинский и протоиерей Николай Алексеев, а в марте 1943 г. – диакон Михаил Воронин.⁹⁶

Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 г. разрешение в ряде крупных городов совершать Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами. Произошло фактическое снятие некоторых ограничений на внебогослужебную деятельность, проведение массовых религиозных церемоний. О них даже стали сообщать в средствах массовой информации. Так, по указанию городского руководства фотографы В.Г. Куликов и А.А. Шабанов снимали во время богослужения внутренний и внешний вид соборов и церквей Ленинграда на Пасху 1942 г. и Рождество 1943 г.⁹⁷

Однако отношения Церкви и государства в первый год войны подлинным диалогом еще не стали. В это время нередко были рецидивы прежней политики, грубых административных, насильственных акций, прежде всего по отношению к приходам. Так, например, 29 января 1942 г. председатель двадцатки Серафимовской церкви К.И. Андреев писал в административный отдел Ленсовета, что здание храма с 22 января оказалось самовольно «взято райсоветом Приморского района под склад-распределитель для приема покойников, доставляемых из города и постепенного их захоронения. По распоряжению председателя тов. Белоусова без меня и члена двадцатки церковь была вскрыта, причем все имущество, утварь и проч. свалено к алтарю. Доступа в здание для меня нет». Деньги и продукты, хранившиеся в церкви, оказались расхищены, часовня внутри разломана, запас дров сожжен. Церковь вернули верующим только в апреле 1942 г.⁹⁸

⁹⁵ Там же, л. 120, д. 80, л. 1.

⁹⁶ Там же, д. 62, л. 131, д. 209, л. 173.

⁹⁷ Там же, д. 76, л. 153.

⁹⁸ Там же, д. 213, л. 107.

Зимой 1941/42 гг. разобрали на дрова часовню сгоревшей в марте 1941 г. и официально действовавшей до того времени церкви на Красненьком кладбище. У протоиерея Льва Егоровского служащие одной из воинских частей, несмотря на протесты, разобрали на дрова принадлежавшую ему хозяйственную постройку и т. п. Сохранялся запрет на посещение церкви военными и некоторыми другими категориями граждан. Так, в сообщении шефа германской полиции безопасности и СД о положении в Ленинграде от 16 октября 1942 г. говорилось: «В пределах допущенных Советами уступок были открыты для посещения 4 православные церкви [на самом деле ни один новый храм открыт не был]. Красноармейцам, однако, ходить в церкви строго запрещено».⁹⁹ Кроме того, сохранялась довоенная практика максимально тяжелого налогообложения священнослужителей, преследовавшая ранее цель заставить их отказаться от сана.

5 января 1943 г. Патриарший Местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал И. Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны в храмах СССР. 5 февраля председатель СНК дал свое письменное согласие и от лица Красной армии поблагодарил Церковь за ее труды. Получив разрешение открыть банковский счет, Патриархия приобрела урезанный статус юридического лица.¹⁰⁰

14 января 1943 г. и митр. Алексей направил телеграмму И. Сталину: «Православная Русская Церковь вместе со всеми народами великого Советского Союза горит одним желанием – всемерно помогать наступающей Красной Армии... Руководимая мною Ленинградская епархия, находящаяся в условиях блокады, до сего времени внесла в фонд обороны страны 3 182 143 рубля наличными деньгами, а также пожертвования ценными вещами. Руководствуясь призывом Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Московского Сергия, епархия вносит на постройку колонны танков имени Дмитрия Донского еще 500 000 рублей. Сбор средств продолжается с непоколебимой верой в близкую победу нашего правого дела над кровавым безумием фашизма. Усердно молим Бога о помощи Вам в Вашем великом историческом призвании – отстоять честь, свободу и славу родной страны».

На эту телеграмму был получен ответ: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим Ленинградской епархии мой привет и благодарность Красной Армии за их заботу о Красной Армии. И. Сталин». Обе телеграммы были опубликованы в газетах. О средствах, собранных для армии Ленинградской епархией, Владыка в мае 1943 г. вновь известил телеграммой Сталина, и 17 мая Верховным главнокомандующим была отправлена ответная телеграмма, опубликованная в газете «Правда»: «Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской епархии, собравшим, кроме внесенных ранее 3682 143 рублей, дополнительно 1769 200 рублей на строительство танковой колонны им. Дмитрия Донского мой искренний привет и благодарность Красной Армии».¹⁰¹ Сталин послал и персональную благодарственную телеграмму протоиерею Л. Егоровскому, внесшему в фонд обороны наибольшие из ленинградских священнослужителей пожертвования.

В начале 1943 г. И. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На него повлияла целая группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одной из причин была активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенства и мирян. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управ-

⁹⁹ Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 212.

¹⁰⁰ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995. С. 187.

¹⁰¹ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 4, л. 10, 14, 15.

ления, печатного органа и юридического статуса, Церковь показала свою силу в борьбе против фашизма, сумела во многом расширить и упрочить влияние в стране.

Следует упомянуть, что зимой 1942/43 г. на студии Ленкинохроники был снят документальный фильм «Сбор ленинградскими верующими средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского». Его автор известный фронтовой кинодокументалист Н.А. Сотников в 1976 г. вспоминал: «.. это был приказ, боевое задание и, как мне намекнули, задание правительственное. Фильм предназначался для показа за рубежом, цели имел пропагандистские, должен был способствовать открытию второго фронта... С самого начала фильму были созданы максимально привилегированные условия – и не только по военным, блокадным меркам. Он должен был в производственном отношении идти «по зеленой улице». Высокие полномочия давались на период работы над фильмом и мне. Во всяком случае, я таких ни ранее, ни далее никогда не имел. Любая моя просьба по этому фильму воспринималась как приказ. А консультантом мне было рекомендовано пригласить самого митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия».¹⁰² Владыка принял съемочную бригаду утром в Никольском соборе, и в тот же день около полудня состоялась съемка сбора пожертвований в этом храме. По свидетельству Н. Сотникова его удивило, сколько верующих пришли внести свою лепту в оборону родного города и страны.

Неизбежность значительного изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с Церковью людьми уже вскоре после победы в Сталинградской битве.¹⁰³ В Ленинграде городское руководство также с большей охотой шло навстречу просьбам верующих. Важной вехой во взаимоотношениях государства и Церкви в блокированном городе стало 1 мая 1943 г. В этот день была введена новая «Инструкция об отнесении населения к группам снабжения при выдаче продовольственных и промтоварных карточек». Служители культа были приравнены в ней к советским служащим, а ведь в 1918–1937 гг. они вообще относились к так называемым «лишенцам».

В конце августа 1943 г. власти разрешили возвращение митр. Сергия из эвакуации, о чем он уже неоднократно просил сам. И 29 августа Патриарший Местоблюститель послал из Ульяновска телеграмму митр. Алексию, предлагая ему приехать в Москву по возможности на срок со 2 по 15 сентября, но во всяком случае не позднее 5 сентября.¹⁰⁴ Владыке пришлось срочно вылететь из Ленинграда в столицу, где его уже ждал митр. Сергей. Важнейшей вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 г. Днем на даче у Сталина прошло совещание с участием Г. Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ, на котором был обсужден новый курс государственной религиозной политики. Вечером же состоялся официальный прием в Кремле И. Сталиным и В. Молотовым митрополитов Сергия (Старгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой «исторической» встречи, сделанная присутствовавшим на ней полковником госбезопасности Г. Карповым.

Согласно этой записи иерархам было сказано, что со стороны правительства нет возражений против желания Церкви избрать на Соборе епископов Патриарха и создать постоянный Синод. Далее митр. Сергей поднял, а Владыка Алексий развил вопрос о подготовке кадров духовенства, оба просили Сталина, чтобы им было разрешено организовать Богословские курсы при некоторых епархиях. Относительно открытия новых храмов митр. Алексий также поддержал в разговоре Патриаршего Местоблюстителя, отметив неравномерность распределения церквей в Советском Союзе и, высказав пожелание в первую очередь открывать их в областях и краях, где совсем нет храмов или где их очень мало. В ответ было

¹⁰² Сотников Н.А. Три встречи с Патриархом // Родина. 1999. № 10. С. 72.

¹⁰³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, л. 49, 51–52.

¹⁰⁴ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 76, л. 177.

дано разрешение на открытие Духовных Академий и училищ, дополнительных приходов в епархиях, выпуск ежемесячного церковного журнала. «Затем митрополит Алексей поднял вопрос перед т. Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, лагерях, тюрьмах и т. д. Товарищ Сталин сказал им: «Представьте такой список, его рассмотрим». В заключение беседы Ленинградский Владыка остановился на вопросах, имеющих отношение к «церковной кассе». Также митрополиты Алексей, Сергей и Николай считают необходимым, чтобы было изменено Положение о церковном управлении, а именно, чтобы священнослужителям было дано право быть членами исполнительного органа церкви. Товарищ Сталин сказал, что против этого возражений нет». Председатель Совнаркома заверил, что Церковь может рассчитывать на помощь правительства.¹⁰⁵

¹⁰⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 1–10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.